

11 (653) ноябрь, 2011

На МАКАРе до Полярного Урала

Доступный туризм.
Подготовка к зиме

Чердынь.
Трагедия купеческого рода

Асбест — горный лен

Образец асбеста предоставлен
Уральским Центром камня

9 17701341241006 11010

ноябрь 2011

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго
Литературный консультант – В. Абянов.
Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Л.В. Юсупова.
Интернет – Е. Марков.
Фото на 1-й стр обложки – Л. Фалкенберга
Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет –
 Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Голованов.
Наблюдательный совет –
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
 • Семен Спектор, заслуженный врач России,
 • Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
 • Виктор Христоробский, Председатель Курганского ро РГО
 • Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
 • Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
 • Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
 • Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
 • Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ
Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области
 © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Турганева, 13
Почтовый адрес редакции, издателя:
 620075, г. Екатеринбург, ул. Турганева, 13.
 тел. (343)295-61-27
E-mail: uralstalker@mail.ru **www:** uralstalker.com

Учредитель – ООО «Уральский Следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на подотиты и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе, указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые поступки «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com», №9 подписан 05.11.2011 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в типографии «Артлес», г. Екатеринбург, ул. Удомлинская, 45 (343) 287-09-52
 Заказ №

Встречный ветер

Путешествие по Уралу. Республика Коми
В. ШУРУХИН
Испытание Хейяхой. 3

Молодежная политика
«Аз», «буки»... «добро», «жизнь»..... 16

Доступный туризм
Д. ДАШКОВА
Сани: руководство пользователя 12

Путешествие по Уралу. Полярный Урал
А. ЛОЖКИНА
Урал-«Макар»-блюз Строго на Север.....20

Камни Урала

М. ПОПОВ
Ю. ЕРОХИН
Баженовское месторождение хризотил-асбеста 28

Река времени

Далекое-близкое
С. СОГРИН
Алины: трагедия рода..... 33

Портреты
Е. КОЖИНОВА
Мастерица из «Дворянского гнезда» 38

Письма памяти
Л. РОМАНЕНКО
Дело было в Буньковой... 42

Журнал в журнале

Испытание Хейяхой

Иллюстрации предоставлены автором

Самолет вырулил на взлетную полосу, на какое-то время остановился, накапливая силы перед взлетом, тряско разбежался и взлетел, быстро набирая высоту. За стеклом иллюминатора стали пробегать, сменяя друг друга, уже знакомые картины. Океан, взъерошенный волнами с шапками белой пены. Амдерма, с высоты птичьего полета красочный и уютный, а на самом деле забытый Богом и брошенный на краю земли, разваливающийся и выживающий из последних сил некогда легендарный и многолюдный поселок. Пожелтевшая тундра, разрезанная руслами порожистых рек и отблескивающая синью многочисленных озер. Было немножко грустно от мысли, что наше путешествие закончилось и стало уже прошлым. Грустно от того, что пройден и больше никогда не повторится сложнейший семисоткилометровый маршрут, нитью соединивший город шахтеров Воркуту и арктический поселок на берегу Ледовитого Океана Амдерму. За сорок шесть дней нашего путешествия мы прошли на наших байдарках восемь рек и четыре озера, преодолели два водораздела, перешли из Европы в Азию, с Большеземельской тундры на Югорский полуостров, в месте, где река Хэйяха прорезает продолжение Северного Урала — хребет Пай-Хой.

Виталий Шурухин

Путешественник, г. Москва.

Путешествие
по Уралу

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

Началось же все с того, что я в 2010 году волею случая побывал в Амдерме. На карте этот поселок найти легко. Он расположен на побережье Карского моря чуть восточнее Новой Земли и острова Вайгач. По легенде свое название поселок получил от ненца-охотника. Однажды плывший на лодке охотник-ненец увидел на побережье Карского моря огромную лежку ластоногих. Восхищенно воскликнув «Амдерма!», что в переводе означает «лежище моржей», он привел сюда своих сородичей, которые поставили на берегу чумы, образовали стойбище. С той незапамятной поры это местечко так и называется – Амдерма.

Узнал очень много интересных историй рассказывали про этот край. В одном из таких рассказов я узнал о реке Хейяхе. Очень красивой, гордой и труднодоступной реке. О ее крутом нраве, порогах и шиверах, о огромном количестве рыбы, обитающей в ее водах. Вернувшись до-

Встречный ветер

мой, я стал готовиться к маршруту. Информация по реке была очень скудная. Описание практически отсутствовало. Расспросы среди нашей, туристической братии, также ничего не дали. Была попытка у одной группы пройти реку вверх, но неудачная. Группа сошла. Руководитель той группы посоветовал отказаться от затеи прохождения Хейяхи, тем более вверх, против течения. Вот и вся информация. Тем не менее, маршрут мы подготовили. Нам предстояло пройти от города Воркута по одноименной реке вверх, затем по ручьям подняться к водоразделу реки Коротайхи, сделать волок, сплавиться до устья Хейяхи и уже по ней дойти до истоков и выйти на реку Большая Нгою (Великая), по которой и достичь поселка Амдерма.

И вот 13 июля наша группа в составе трех человек на двух надувных байдарках «Шука» стартовала от города Воркуты. Первым этапом нашего маршрута был участок реки

Воркута, который мы должны были пройти вверх, против течения. Согласно графику, эти 52 километра мы должны были преодолеть за 3 дня. Воркута с ненецкого языка переводится как «много медведей», «изобилующая медведями», «медвежий угол». Стало быть, Воркута — это река в медвежьей местности. Правда, медведей мы там не встретили, зато ежедневно встречались с рыбаками, передвигающимися вдоль реки на мотоциклах и каракатах. Река Воркута с точки зрения ландшафтов ничего особенного не представляет, да еще и порядком изуродована всяким техногенным мусором. Сказывается влияние угледобывающих предприятий. Мы постарались пройти эту реку побыстрее. Погода стояла прекрасная, без дождей и ветра. Так что ничего нам не помешало через два дня дойти до устья интересующего нас ручья. В том месте мы остановились на обед. Пока готовили обед, к нам подъехали два молодых парня на каракатах.

Очень интересные молодые люди. Мы пригласили их на чай. Вот за чаем парни и рассказали много интересного про свой город и район. Вообще меня очень порадовало то, что эти молодые люди великолепно знают историю Воркуты и своего края.

Еще для меня раскрылось неоднократно слышимое выражение «Воркута — столица мира». Это выражение происходит от «Воркута — столица лагерного мира». Ни для кого не секрет, что все шахты, сам город, дороги и все, что связано с добычей угля, возводилось и добывалось силами узников ГУЛАГа. Парни рассказали, что в городе есть музыкально-драматический театр и первым его руководителем был тоже заключенный. Бывший главреж Большого театра Мордвинов. Да, город строили и поднимали совсем не простые люди. А практически цвет нации. Потому как в основном все заключенные были осуждены по «политическим» статьям. А кого в 30 годах «награждали» сроками? Отсюда и красивая архитектура центра Воркуты.

Через некоторое время мы распрощались, пожелали друг другу доброго пути. Мы начали подъем по ручьям к водоразделу рек Коротайха и Воркута, а парни поехали домой «на Воркуту». Еще одно интересное выражение. У воркутинцев принято говорить не «... в Воркуту», а именно «... на Воркуту». Поскольку город был основан на реке и назывался первоначально Рудник (с ударением на первом слоге), то и говорят

«... на Воркуту» как бы не в город, а на реку.

Следующим этапом нашего маршрута был участок, где необходимо было подняться по ручьям до озер. Сначала по ручью Молотовей — Ямботывис до одноименного озера, а затем разыскать устье ручья Деятывис и по нему уже достигнуть озера Деяты. Это не описка, устье ручья мы искали порядка 40 минут, так оно замаскировалось за кустами. Протяженность участка составляла всего-то 29 километров, но прошли мы этот этап аж за 4 дня. Вот так-то... Уровень воды в реках был очень низкий, и ощутили мы это первый раз именно на этом этапе. При нормальном уровне воды нам хватило бы и двух дней. Да, долгий, длинный путь получился до озера. Ручей оправдал свое название. В переводе с ненецкого языка Молотовей означает «длинное, длинный». Лодки нам пришлось протаскивать по ручью, осклизшемуся многочисленными шиверами и перекатами, буквально на руках.

То, что вредно курить, знают практически все. А вот то, что это мешает жить... многие игнорируют. А зря. Всем туристам известно, что лучше два раза перенести 25 кг груза, чем один раз 50. Вот и мы решили не рваться, а сделать челночку. После прохождения-проползания ручьев нам предстояло перетаскаться через водораздел в район реки Коротайхи, а вернее, на ее приток — реку Сядейю. По плану волок был всего-то ничего — каких-то 3,5–4 километра, в итоге же получилось больше 6, да и километража мы намотали порядка 36 километров каждый. Все же челночили. Вот на волоке-то моя пагубная привычка и сказалась. Николай грузил рюкзак под 45 кило, у меня же вес груза не превышал и тридцати пяти... и всё равно я от него позорно отставал. Темп у него... позавидовать, да и подготовка зимой делала о себе знать. Он по два раза в неделю посещал спортивный зал и тренировался, а у меня за плечами огромный стаж курения да разжирел больше 100 кило.

Но как бы там ни было, волок мы за два дня одолели. Что примечательно, я в тех краях лет 25 назад работал в геологоразведке, да и Николай примерно в то же время ходил там в поход. Так вот, мы помним, что ручьи были полноводными и по ним легко можно было сплавиться на лодке. Но не в этом году.

Мне всегда была интересна топонимика географических объектов. Вот что я накопил в литературе

и в интернете. Область распространения ненецких названий географических объектов расширялась по мере освоения ненцами новых земель. На Кольский полуостров они переселились только во второй половине 19 века, поэтому ненецкие топонимы там не закрепились. В Большеземельской тундре от Печоры до Урала, где и проходил наш маршрут, ненецкие топонимы соседствуют не только с русскими, но и с топонимами коми. Вот и получаются смешанные названия. Как пример — гора Ябтомыльк. *Ябто* по-ненецки означает *гусь*, а *мыльк* — уже по коми *холм*, получается гусиный холм или гусиная гора, хотя, наверное, такой перевод некорректен... Вот так и река Сядэйю — *сядэй* по-ненецки *идол*, а *ю* — с языка коми *река*.

По реке идолов нам предстояло пройти 66 километров. Ввиду малой

воды река обнажилось многочисленными шиверами и перекатиками. Тем не менее, нам удалось пройти эту реку за пару дней. Идолов мы, правда, не увидели, зато рыбалка была отменная.

Следующей рекой нашего маршрута была река Кортаиха. Вот какую информацию я нашел по этой реке.

«Река Кортаиха замечательна обилием рыбных промыслов и чудскими земляными пещерами, в которых, по самоедским преданиям, когда-то в древности жила Чудь. Пещеры эти в десяти верстах от устья, на правом берегу, на косогоре, который издревле по самоедски называется Сиртеса — Чудская гора».

Из записей миссионера Вениамина, 1855 год

Кортаиха нас встретила испортившейся погодой, холодом и ветром. Температура днем упала до 10 градусов, очень часто шел дождь, то прекращаясь, то занимаясь вновь. В общем, было не очень уютно...

Вехами на этом отрезке нашего пути служили две базы оленеводов: «Верхний Паук», находящийся недалеко от устья реки Падимейтывис, и «Нижний Паук», стоящий на устье реки Хейяха. Обе базы располагаются на левом берегу реки Кортаиха. На этих базах зимой живут семьи оленеводов, пригнавшие оленей на зиму. Сейчас же базы пустовали, и жили там лишь сторожа. Замечательны эти базы тем, что, во-первых, там должна была быть связь (на самом деле она была неисправна) и люди... и в случае чего там можно было рассчитывать на помощь. И еще через Верхний паук регулярно (примерно раз в неделю) проезжают вездеходы, которые из Воркуты в поселок Кортайка возят различные грузы. В основном продукты. Случись что, на этих вездеходах можно эвакуироваться в Воркуту. Эти две базы и были нашими точками аварийного схода с маршрута.

К «Верхнему пауку» мы подошли при накрапывающем дожде и были встречены веселым лаем двух молоденьких собак. Познакомились со зрителем базы Вячеславом, осмотрели его владения...

На базе, кроме него, жили кошки, две собаки и старый злой баран Лаврентий, который и Славу мог исподтишка боднуть. Поговорив с Вячеславом и попив у него чая, мы двинули дальше. Огойдя километра три от базы, мы увидели, что по берегу нас сопро-

вождают те самые две молодые собаки, которые жили на базе. Эх, Слава, собака-то привязать нужно было... Как мы их только не гнали, собаки не уходили, упорно нас сопровождая. Ну что же, делать нечего, если не уйдут, то придется их отдать на «Нижнем Пауке», чтобы с вездеходчиками их вернули хозяину. На одной из песчаных кос, поросших травой, мы остановились перекурить и заметили на песке следы медведя, вернее, следы медведицы с пестуном — вот и собачки пригодятся... Оружия у нас с собой не было, а собаки как нельзя кстати. В этот день наши собачки показали, на что они способны. Дело в том, что на реке обитало множество гусей: и линялых, и молодых, подросших хлопунцов. Вот собаки наши и устроили на них охоту. Сначала мы обрадовались, когда они задушили взрослого, большого гуся, а вот когда счет гусям, в основном гусятам, перевалил за пятерку, я готов был убить этих собак...

На второй день нашего сплава по Коротайхе наши собаки подхватились и с визгом и лаем понеслись. Они кого-то преследовали, удаляясь от реки все дальше и дальше. Вот недотепы... Молодые ведь, обратно домой ни за что дорогу не найдут. По мере нашего продвижения им приходилось переплывать реку с берега на берег, да еще дождик шел, смывая следы, и удалились мы

от «Верхнего Паука» уже изрядно — больше чем на двадцать километров. Где-то через час вернулся лишь один пес. Что-то со вторым стало???

Тем временем погода все больше портилась, дождь не прекращался и ветер, казалось, усиливался. Отдыхать приходилось на коротеньких остановках. Мы быстро замерзали и грелись, беспрестанно работая веслами.

На третий день нашего сплава по Коротайхе на левом берегу показалась база «Нижний Паук». Мы с удовольствием погостили на базе, передали зрителям базы, Татьяне и Сергею, нашего песика, отдав в придачу штук шесть добытых им гусей на его пропитание. Но я подозреваю, что песику они не достались, так заго-

релись у хозяев глаза при виде свежего мяса. Ну да ничего, с голоду собака на базе не помрет. Попили с хозяйками чая, Татьяна угостила нас свежим хлебом (сама печет) да еще с собой завернула, поблагодарив и распрощавшись, отправились дальше. Хозяева с сожалением попрощались с нами, да и можно их понять — почти месяц никого не видели. Дело в том, что вездеходная трасса проходит в стороне от базы, не то что на Верхнем Пауке. Оленеводов тоже не было рядом — не сезон. Они появятся здесь лишь ближе к зиме. Вездеход должен был к ним зайти дня через три-четыре, привезти что-то из продуктов и другие нужности. С ним и песика Славе передать обещали.

▲ База «Верхний паук»

Ну вот мы и подошли к устью вожденной реки Хейяха. Мы к ней стремились и в то же время остерегались. Как оно будет? Сможем ли мы ее одолеть, пройти... хватит ли сил, упорства и терпения, выдержат ли лодки?

Название реки Хейяха переводится с ненецкого языка как Река с ямами. Очень точное название. На реке между каскадами порогов течение успокаивается и русло реки представляют спокойные, глубокие, порой до десяти метров глубиной, плесы. Хейя-

ху условно можно разделить на три участка. Устьевой — от устья до первого каньонного участка. Горный или каньонный участок — от первого каньона до пересечения рекой хребта Пай Хой. Верховья — от хребта Пай Хой до истоков — озера Хейяхамал. Общая протяженность реки составляет 161 километр, общее падение реки по высоте 230 метров. Львиная доля падения реки приходится на каньонный участок.

Встретила нас река очень неприветливо. Низкие, тяжелые свинцовые

тучи, вода реки в цвет неба серая, посыпаемая холодным дождем и ветер. Ветер, как всегда, встречный. Было сыро со всех сторон. Река словно предупреждала нас, отгоняя от себя. Но на следующий день погода наладилась, выглянуло солнце, и река преобразилась.

Берега раскрасились разноцветьем трав, вода весело журчала в перекатах, словно что-то напевая. Нижний, устьевой участок больших хлопот в общем-то не доставил. Не считая того, что уровень воды был низким. Из-за этого обнажились многочисленные шиверы. В отличие от уже пройденных рек, шиверы на Хейяхе были сплошь каменными. Да прибавьте еще то обстоятельство, что камни к нашему появлению на реке сплошь обросли скользкими нитчатыми водорослями. Идти было очень трудно, да и опасно. Тут без груза-то особо по воде не походишь, а мы еще и тяжело нагруженные лодки за собой на бечеве тащили. Любой неверный шаг грозил падением, вывихом ноги или, чего еще хуже, переломом. Вот и шли мы, тщательно выверяя каждый шаг. Какая уж тут скорость.

Если до Хейяхи нашим ориентиром были пройденные километры, то здесь пришлось перестраиваться и идти по времени. Наш трудовой день начинался в 10 утра, и мы шли до 9 вечера, с перерывом на обед. Важно было не спешить, наматывая километры, а выдержать темп движения, рассчитывая свои силы на весь ходовой день, сознательно отработывая каждый час. Но пока шиверы и пороги встречались не так уж и часто, река нам дарила и отдых в виде широких, спокойных плесов, тянувшихся порой больше километра.

На третий день нашего подъема по реке шиверы и перекаты стали встречаться все чаще, а вот весла в руки мы брали все реже, передвигаясь в основном пешком. Впереди был каньонный участок. Хотя мы и ждали этого, были готовы, но первый каньон вывернулся из-за поворота как-то неожиданно. Начинился участок с небольшого порога.

С этого самого порога и начался совсем другой отсчет времени. Мы вспоминали наш путь до каньонов, как отпускник вспоминает прекрасно проведенный отпуск. Мы радовались не пройденным километрам, а преодолению каждого порога, которые сменяли друг друга, иногда чередуясь шиверами. Порог Угол, Умывальник, Плита, Водопадный... Каждый из встреченных нами порогов имел свой характер и требовал своего, индивидуального подхода

к прохождению. Каждый порог приходилось осматривать, намечая путь прохождения. При первом взгляде казалось, что тут не то что лодку провезти вверх по течению, а пройти налегке невозможно, но, как говорится, «глаза боятся, а ...».

И мы шли, отвоевывая метр за метром, ступеньку за ступенькой. Пройдя первый порог, стало понятно, что нужно распределить груз по лодкам иначе. Мы с Николаем шли на трехместной байдарке, а третий наш компаньон — на двухместной. Мы часть груза со второй лодки перегрузили к нам, все же вдвоем проводить лодку полетче, чем одному. Правда, были места, где приходилось каждую лодку проводить всем составом группы. Мы с Николаем отработали свою тактику прохождения. Николай после просмотра порога заходил вперед и тянул лодку на длинной бечеве. Я же проталкивал байдарку между камней. Как же много раз мы сетовали на низкий уровень воды... Было бы воды хоть чуть-чуть побольше, прохождение каждого препятствия было бы легче в разы. Про шиверы вообще речи не идет. Если бы уровень воды был нормальным, многих шивер мы попросту не заметили бы... Но что поделаешь, данность нужно воспринимать такой, какова она есть, и нужно было идти.

Характер русла реки Хейяха имеет ступенчатый характер. Каньонные участки с каскадом порогов сменяются участками спокойных, практически без течения плесов. На таких участках можно было отдохнуть и расслабиться. Вот мы и расслабились.

Один из плесов был похож на все остальные, и ничего опасного в нем не было. После поворота реки до перекатика оставалось еще метров 250-300... Мы спокойно, неторопливо прошли под левым берегом (если смотреть по течению), приблизились к перекату и увидели, что лодку нам через препятствие под этим берегом не протаскать. Решили переправиться на другой берег. Вот тут-то и лопухнулись. Во-первых, не учли, что струя отражается от левого берега и идет под углом к руслу, во-вторых, не обратили внимание на ветер, дующий нам навстречу как в трубе... в общем, начали переплывать немножко не под тем углом к струе. Мгновение, и мы в воде. Кильнулись. Байдарка Шука имеет такую особенность, задний гребец (я стало быть) видит, как в воду опрокидывается передний (лодка не жесткая, скручивается). Как только Николай стал падать в воду, я еще пытался лодку как-то удержать — откренить.

Так не хотелось купаться. Вода-то всего градусов 6 была... Но тщетно, через мгновение и я последовал участи Николая, оказался в воде. Да не просто оказался в воде, а еще ботинком зацепился за леер лодки. Пришлось бросать весло и выплывать. Когда выпутался, вынырнул и огляделся, Николая нигде не было. Перебрался на другой борт, держась за леер, и там

его не нет. Его не было нигде. Как оказалось, Коля увидел мое весло и кинулся его ловить. Поймав, он ухватился за борт, огляделся и, также не увидев меня, перебрался на другой борт. Вот так мы друг от друга и прятались.

Когда мы наконец-то встретились, он крикнул: «Гребите!». Сам он не мог мне помочь — руки были заняты: одно — веслами, а второй он держался

▲ «Птенец сидел на камне и обсыхал. По-видимому, он не совсем удачно пытался летать и свалился в реку»

за лодку. Выбираться нужно было побыстрее, иначе нас вместе с лодкой занесло бы в порог и последствия могли быть плачевные. Минут через 15 мы благополучно добрались до берега. На этот раз, Слава Богу, все обошлось.

Здесь стоит упомянуть о летнем «коренном» населении реки — птицах. Столько пернатых я еще не встречал ни на одной пройденной мной реке. Здесь, в каньонах, мы встретили целые чайчи базары. Канюки своими жуткими, гортанными криками сопровождали наши лодки практически все время. Многочисленные стаи гусей, гуменников и белошеких казарок, абсолютно не боящиеся нашего появления. Утки с выводками, гагары и какие-то мелкие птицы, очень похожие на наших воробьев. Такие же суетные и вороватые. В одном из каньонов мы наткнулись на подростка птенца канюка. Он сидел прямо посередине реки, на камне, а над ним с беспокойными криками кружила пара канюков. Видно, это были родители этого незадачливого летуна. Птенец сидел на камне и обсыхал. По-видимому, он не совсем удачно пытался летать и свалился в реку.

Минул 12-й день с того момента, как мы вошли в первый каньон. Еще десяток километров, и наша группа окажется в месте, где Хейяха прорезает хребет Пай-Хой.

Пай-Хой — это невысокий горный хребет, продолжение Полярного Урала, который отходит от крайне северной части Полярного Урала на ССЗ и продолжается до пролива Югорский Шар. Между Пай-Хоем и Полярным Уралом находится ряд промежуточ-

ных возвышенностей. Длина Пай-Хоя — более 200 км, высота — 200–400 м. Самая высокая гора — Море-Из (467 м). Впервые для европейцев открыла хребет Пай-Хой и составила его первое геологическое и биологическое описание научно-исследовательская экспедиция под руководством Гофмана Эрнста Карловича (1847–1853). Ею же была описана этнография района. Географическое название Пай-Хой следовало бы писать Пэ-Хой, но утвердилась традиционная форма, идущая от А. И. Шренка и Э. К. Гофмана. Впервые это название, видимо, засвидетельствовал Шренк во время своего знаменитого путешествия к Полярному Уралу в 1837 г. Он пишет, что западное продолжение Урала самоеды (ненцы) называют Пайгоем, то есть «Скалистым хребтом», а западные самоеды (очевидно, канинские и малоземельские ненцы) — Хабийгоем, то есть «Остяцким хребтом», потому что около него кочуют остяки (хангы).

Кто-то, возможно, подумает, подумаешь: какие-то холмики, но для нас это были не просто холмики — это была точка нашего маршрута, куда мы очень сильно стремились попасть. Точка, миновав которую, идти будет гораздо легче. Каньоны закончатся, а с ними реке станут пороги и шиверы, можно будет отдохнуть на продолжительных плесах, сидя в лодке и работая лишь веслами. Но мы еще не знали, какое испытание приготовил нам Пай-Хой и река Хейяха.

Есть такое понятие в авиации, которое обозначает точку, после которой самолет, идущий на взлет, дол-

жен обязательно взлететь во что бы то ни стало, дальше конец взлетной полосы и уже не остановиться....

Есть такое же понятие и у физиков-ядерщиков, когда цепная реакция началась и ее не остановить — еще мгновение и взрыв.

Если задуматься, то такое понятие есть практически везде в профессиях, в жизненных ситуациях... между жизнью и смертью...

Существует такое понятие и на сложном, протяженном туристическом маршруте... когда разумнее идти вперед, чем возвращаться назад, что бы ни случилось, даже если расстояние до точки старта ближе, чем до точки финиша...

По мере приближения к хребту Пай-Хой менялся и ландшафт... В реке стали попадаться пласты сланцев. Острые, как бритвы, пластины сланца то там, то здесь грозили пропороть лодку или порезать обувь.

Вот на такой пласт мы и напоролись. Прошли одну из шивер, дальше был плес — садимся на лодку, делаем несколько взмахов веслом, и вдруг я слышу треск рвущегося материала. Этого только не хватало. Десантируемся с лодки, осматриваем байдарку и видим, что баллон с внутренней стороны вылезает из чехла страшной грыжей, длиной больше метра, хорошо еще, что сам баллон остался целым. Нужно искать стоянку и заниматься ремонтом. И видно, это надолго... Этот момент и стал нашей ТОЧКОЙ НЕВОЗВРАТА. Обратного на такой лодке было дойти просто невозможно.

Через все пороги, шиверы она просто не выдержала бы. Идти же пешком, случись что, было тоже нереально. Как ни высокопарно звучит, но лодка — это жизнь. Только представьте себе, если бы кто-то из группы, нет, не сломал, а хотя бы вывихнул ногу, ну и как выбраться в таком положении?

Так что только вперед, тем более, что впереди река Большая Нгою (Великая), а на ней уже не так много порогов и всякой бяки, которая нам могла напакостить... Нитка, иголка, отрезок стропы, сутки времени, и мы опять на коне! Единственная проблема — теперь баллон можно накачивать не больше 0,15 атм.

И вот наступил тот долгожданный день, когда мы все же подошли к точке, куда стремились последнее время, точке, после которой мы преодолеем очень трудный и важный этап нашего маршрута. Случилось это 5 августа. Это была хоть и небольшая, на чей-то взгляд незначительная, но для нас все же победа... Именно миновав перевал, мы поверили, что пройдем эту трудную реку. Реку, которая так неохотно нам сдалась. За плечами нашей группы были 23 дня маршрута и трудных 400 километров. Осталось пройти 250 километров.

Впереди был участок полегче. Участок верховьев реки Хейяха. Как же было здорово проходить этот отрезок реки. Мы шли на байдарках, не спеша и где-то даже лениво работая веслами, глаза по сторонам, любуясь рекой. Запомнился этот этап нашего маршрута двумя эпизодами. В один из дней,

проплывая очередной плес, мы увидели такую картину. На берегу была какая-то свалка. Везде были разбросаны консервные банки, обрывки шкур и всякий хлам. Мы решили посмотреть, что же это за помойка такая? Эта картина явно не вписывалась в общий ландшафт. Мы на Хейяхе не то что людей не встречали, даже мусора и костровищ старых не видели, а тут такое. При ближайшем рассмотрении загадка быстро разрешилась. Здесь явно хозяйничал медведь.

Через пару дней мы встретили стоянку оленеводов. Где нам нашу догадку и подтвердил глава семьи ненцев Николай. Он рассказал, что когда оленеводы перегоняют (каслают) свои стада, то по дороге оставляют на нартах запасы одежды и продовольствия, которые им нужны будут на обратной дороге. Вот на такой схрон и вышел медведь. В ключья изодрал зимнюю одежду, переломал нарты и сожрал все продовольственные запасы, оставленные семьей Николая на осень. На то время, когда они будут перегонять стадо на зиму ближе к Воркуте. Вот такая беда приключилась. Во время нашего обеда я заметил куклу, одетую в национальные одежды. Ну кукла себе и кукла. Думал, дети играют, но, когда мы сели обедать, жена Николая придвинула куклу к столу, поставила перед ней блюдце с едой. Это меня несколько напрягло. Все же я набрался смелости и задал вопрос Николаю. Что это за кукла такая важная? Он мне и рассказал, что есть у ненцев такой обычай. Когда умирает член се-

мьи, то родственники делают такую куклу. Считается, что душа умершего человека вселяется в эту куклу и с тех пор кукла становится как бы членом семьи. У Николая несколько лет назад погиб брат. Вот с той поры в чуме и поселилась эта кукла. Вообще ненцы-олeneводы очень гостеприимный и хлебосольный народ. Провожать нас на берег реки отправилось все семейство. Всем было интересно, на каких чудо-лодках мы проделываем такой длинный путь. Николаю даже осмелился попробовать прокатиться на байдарке. Но сказал, что для рыбалки она не годится, уж больно неустойчива и сетей с нее не поставишь. На том и распрощались. Впереди у нас было еще 37 километров до истоков Хейяхи, до озера Хейяхамал. Но уже легких, без каких-либо напрягов километров. Мы рассчитывали через пару дней достичь-таки истоков. И вот этот день настал. Восьмого августа мы подошли к озеру, — истокам реки Хейяхи. Мы ее одолели. Мы сделали это, невзирая ни на что. Мы прошли эту гордую, своенравную, опасную и в то же время очень красивую реку. А впереди нас ждала река Большая Нгою (Великая) с ее грандиозным водопадом в каньоне «Зоопарк», с ее отвесными высокими скалами и птичьими базарами. Впереди нас ожидало озеро Большое Тоинто, впереди был поселок Амдерма с людьми, магазинами, интернетом и телефоном. Впереди нас ждала Жизнь. **УС**

▼ Каньон

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Дарина Дашкова

Внештатный корреспондент журнала «Уральский следопыт». Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета им. Горького по специальности «Международная журналистика».

САНИ: руководство пользователя

Фото Анатолия Вязовцева

Ранее мы познакомили читателей с особенностями так называемого доступного туризма, сделав основной акцент на теме безопасности туристов с медицинской точки зрения, и лишь в общих чертах коснулись вопроса технического оснащения.

О нюансах профессионального модернизированного оборудования для занятий активным отдыхом и туризмом продолжает рассказывать альпинист-путешественник Анатолий Вязовцев.

Встречный ветер

**ОТРЯД: САНИ.
ВИД: НЕОБЫКНОВЕННЫЕ**

Поговорим об устройстве специальных саней для активного отдыха в зимний период. Как уже упоминалось ранее, деревянные лыжи оказались недостаточно устойчивыми, и пришлось использовать пластиковые. К счастью, горнолыжные комплексы «Флос» и «Волчиха» предоставили нам эту возможность. Таким образом, нам удалось создать надежную, отвечающую требованиям безопасности и движения конструкцию.

Основа крепления для лыж — квадратная (20 x 20 мм) труба, шесть кусочков уголка, все на сварке, шесть винтов с потайной головкой М 6, ось — стальной пруток с резьбой с обеих сторон М 8. Однако стоит взять пруток Д-10 мм. Загиб трубы по форме носка лыжи проводится прямо в тисках, не на трубогибе, как в случае с конструктивными элементами спинки и защиты для ног. Отверстия в лыже под винты — сквозные с раззенковкой под потайную головку. Гайки закручиваются с краской.

Так как колеса у коляски наклонены к сидящему градусов на десять, а лыжи должны всей плоскостью соприкасаться со снежной поверхностью, то внешний конец оси приподнят также на десять градусов.

Поскольку в дар мы получили лыжи самой различной длины, корректировать их до идентичных размеров мы не стали. Решили так — на сани с длинными лыжами садятся участники, более тяжелые по весовой категории, чем все остальные.

Когда начинаешь любое движение, тебя волнует два вопроса — безопасность и возможность остановки. Для этого сани мы скрепили на автомобильной жесткой сцепке, представляющей собой треугольник с тремя кольцами на углах из прутка 8 мм. На передке каждой саней по три петли из таких же стальных прутков. Центральная петля — для страховочной веревки при работе на крутых склонах, боковые — для треугольника жесткости. Веревку или трос для буксировки не применять не рекомендуется, так как сани не располагают тормозами, доступными только в колесном варианте конструкции. Ручные тормозные рычаги и задний противоткат на зиму мы сняли — меньше вес и не мешают сцепке.

На задней раме саней также расположена стальная петля для страховочной веревки при спусках по склону и для жесткой сцепки зимой и летом. Размер петли должен обеспечивать свободный проход карабина с муфтой. Карабины необходимо брать наиболее короткие или какую-нибудь петлю, разъемный коуш с осью на резьбе. Однако карабин — на порядок надежнее. Ведь при движении по неровной поверхности сцепному устройству требуется три степени свободы. Сцепное устройство квадроцикла мы снабдили стандартным с грузового прицепа замком-запором. При движении зигзагами в густом лесу сцепка

треугольником позволяет огибать препятствия точно по той дороге, которую проложил снегоход (как по укатанной трассе, так и по целине).

«Как саночки возить..»

Также необходимо предусмотреть все нюансы, которые могут возникнуть при движении снегохода. На снегоходах обязательно должны присутствовать два зеркала заднего вида, чтобы водитель мог следить за благонадежным перемещением саней. Полезно договориться об условных сигналах с участником. Например: перекрещенные руки означают «СТОП».

Самого тяжелого участника лучше садить в первые после снегохода сани. Практика показала, что при преодолении крутых валов, ям или

надувов «тяжелый» в хвосте цепочки «зарывается» в снег и замедляет движение. Еще ряд неудобств представляют выхлопные газы, которые вдыхает первый участник цепочки, и снег, попадающий в лицо от гусеницы снегохода.

Что касается устойчивости конструкции саней, то она вполне удовлетворительная. Мы не наблюдали ни одного падения или опрокидывания. Прежде чем предоставить инвалидам испытать поездку в спецсанях, мы тщательно испытали их на себе. Проехались на хорошей скорости с крутыми виражами, не пристегиваясь, и не столкнулись ни с какими трудностями. Дело в том, что посадка в прогибающемся сиденье и изогнутая (ортопедическая) рама

позволяет сидящему слиться с санями, как космонавту в ложементе.

Для большего удобства мы иногда предоставляем инвалидам короткие лыжные палки, с помощью которых ребята могут на укатанной площадке исполнять что-то вроде «фигурного катания». Отмечу, что этот тип дополнительного оборудования не следует использовать в движении цепочки, так как это может привести к серьезным травмам лица и рук. У нас есть план разработки и приятного дополнения к поездке – сшить специальные рюкзаки для термоса, еды и прочей клади.

Несмотря на то, что поездки по зимнему лесу, бесспорно, доставляют удовольствие, все же маршруты для походов необходимо рассчитывать в пределах часа. Участники проходят два круга – разминочный и основной, включающий обязательный промежуточный отдых. Выберите маршрут так, чтобы избежать пересечения с автодорогой или железнодорожными путями.

КНИГА ОТЗЫВОВ

Точнее об изобретении, помимо авторов, могут сказать только испытатели, ради которых была проведена столь колоссальная работа. Своими впечатлениями от скоростной санной прогулки делятся участники команды и новички.

Андрей Смирнов: «Я принял участие впервые, и, к сожалению, это был уже конец сезона. Но хотя бы что-то удалось застать. Конструкцию саней нахожу прочной. Видно, что работали профессионалы. По поводу столкновений в цепочке могу сказать, что главный фактор, оказывающий влияние на ощущения ездока, — это место, которое он занимает. Если ехать в хвосте, то, конечно, болтать будет сильнее, чем всех остальных. Когда же едешь прямо за снегоходом — практически никаких неудобств. Выхлоп от трубы, конечно, чувствуется, но, можно и не заострять на этом внимание».

Виктор Ершов: «В подобной поездке принимаю участие во второй раз. По сравнению с первым опытом хотелось бы отметить модернизацию сцепки. В этот раз сани не обгоняли друг друга на сцепках, и риск наехать на кусты или дерево снизился. Соответственно, уровень безопасности значительно возрос. Однако некоторые сани сцеплялись на карабине, и это приносило ездокам определенные неудобства. При подъеме в горку они отставали, на спуске — быстро догоняли. Маленькие столкновения неизбежны. Но главное — это то, что цепочка движется по заданной траектории, без отклонений. На мой взгляд, ряд неудобств можно найти всегда и везде. Разумеется, сидя дома в своей привычной коляске, человек ощущает себя более комфортно и спокойно, чем в санях, мчась на скорости за снегоходом. Но ведь поэтому мы и говорим об активном отдыхе с толикой максимально дозволенного экстрима. Условия для безопасного катания соблюдены. Сделано все, чтобы люди получили удовольствие, не думая о вынужденной постоянной осторожности. В этом весь смысл движения команды, которая начинает объединять все больше людей в плане общения и переживания положительных эмоций, отвлекая от хмурой повседневности».

Марина Викулина, активный турист, участник команды «Восхождение»: «Поначалу я испытывала легкий страх и опасение по поводу того, как непосредственно будет происходить катание. Конечно, меня беспокоил вопрос безопасности. Тем более, что раньше я ничего подобного не испытывала. Оказалось, «чудо-сани» — это поистине продуманное изобретение. Предусмотрено все — удобное сидение, защита для ног, спинка кресла, повторяющая изгиб спины... Лыжи, на которые поставлена конструкция, обладают прочностью. Чтобы оказаться на лесном участке, нам пришлось пересечь несколько улиц поселка Медный-2. Неровности, щебень, ямы, лед — пластик все выдержал. Мы прокатились два с половиной часа по лесу. Сейчас я настолько благодарна организаторам, убедившим меня принять участие, и самой себе, что, преодолев сомнения, рискнула. Чувство необузданного восторга было сопряжено с долей разочарования, что раньше я неоправданно отвергала активный отдых такого рода. Представляете, когда катание закончилось, я категорически отказывалась слезать с саней. Кричала: «Нет уж, катайте меня дальше!». Хотела снова и снова испытывать это невероятное ощущение, неподдающееся описанию. С лихвой хлебнув адреналина, я думала, что именно сейчас я и живу. Ощущаю жизнь во всей ее полноте, а будничный сероватый город, напротив, предстал для глаз как нечто нереальное. Машины, дороги, торопливые прохожие, мелькающие светофоры и рекламные щиты — все пребывает в постоянном движении, но лишено искры, чувства. **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

«Аз», «буки»... «добро», «жизнь»...

Фото предоставлены Анатолием Долговых

Есть в этом мире люди, которые ежедневно нуждаются в нас, в нашей помощи, нашей поддержке, нашем внимании. Не от того, что им скучно или нечем занять себя, но от того, что эти люди — дети, вынужденные повзрослеть раньше положенного срока в силу своей тяжелой болезни. Еще есть люди, способные помочь «маленьким взрослым» не за славу и не за деньги. Не потому, что они миллионеры, но от того, что они обладают достаточно высоким уровнем мобильности, интеллектуальности, активности и здоровья. Эти люди — современная молодежь

Помимо государства, очень много сил направлено на помощь детям со стороны населения города, области, России. В отделениях детской онкологии и гематологии всегда есть те детишки, которым для того, чтобы выжить и бороться со своей болезнью, требуется кровь доноров (как правило, 5–10 детей ежедневно нуждаются в препаратах крови). В этой связи по городу Екатеринбург организованы пункты приема донорской крови в больницах, на различных предприятиях, образовательных учреждениях. В ВУЗах города регулярно проходят акции «Стань донором».

Помощь оказывается со стороны общественных организаций, благотворительных фондов и акций, во-

Областная детская клиническая больница № 1 была образована в 1957 году. Размещалась она тогда в небольшом деревянном корпусе в поселке «Ромашка» на берегу озера Балтым. Постепенно были открыты детская консультативная поликлиника, первые в области специализированные детские отделения соматического профиля и первые на Урале детские хирургические отделения.

В 1994–1998 гг. были пущены в строй два новых лечебных корпуса больницы, в которых размещаются детский онкогематологический центр, лабораторные, диагностические и соматические отделения. С мая 2004 г. по январь 2006 г. по немецкому проекту проводилось строительство нового корпуса Центра детской онкологии и гематологии общей площадью 8500 кв. м в соответствии с современными международными требованиями.

Открытие нового корпуса состоялось 3 февраля 2006 года. В настоящее время в межрегиональном центре детской онкологии и гематологии оказывают специализированную медицинскую помощь детям Свердловской области, Уральского федерального округа и других субъектов Российской Федерации.

лонтерских движений, в которых по большей части задействована молодежь — до 80–90%: школьники, студенты, выпускники, молодые специалисты. Чем объяснить активную позицию этой социальной группы, совсем «неопытной», еще не видевшей настоящую жизнь, бредящей романтизмом?

С давних времен перед лицом тяжелого недуга, какой-то проблемы объединение народа, в частности молодежи, происходит автоматически. Те, кто раньше не думал вступать в революционную партию, сталкиваясь с несправедливостью, приходят и принимают участие в демонстрациях, в массовых выступлениях. Те, кто раньше не понимал значимости сбора игрушек и одежды для детских домов, поучаствовав в волонтерских движениях, становится организатором по сбору пожертвований... Примеров можно приводить сколько угодно. Этоистичная, агрессивная толпа молодых людей без каких-либо ценностей или светлое будущее, надежда общества?..

Немецкий социолог Карл Мангейм определил, что молодежь является своего рода резервом, выступающим на передний план, когда оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам. Она выполняет функцию оживляющего посредника социальной жизни; эта функция имеет своим важным элементом неполную включенность в статус общества. Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она — потенциальна и готова к любому начинанию. Другой вопрос, что послужит истоком таких начинаний:

агрессивно настроенный протест против всех и вся или осознанная необходимость в совершении добрых дел.

Безусловно, раньше молодежь большее значение придавала общественным делам, многое могла сделать исключительно из альтруизма. В современном мире молодое поколение чаще соглашается работать только за материальное вознаграждение, на первый план выходит собственный успех, карьера. Но кто виноват в этом? Молодежь? Едва ли. Ведь молодежь — отражение своего времени, она не может быть вне общества и жить не по его законам.

Однако неправильным будет утверждение, что современные молодые готовы работать только лишь ради денег. В городе, в области, да, пожалуй, во всей России многие юноши и девушки с удовольствием включаются в волонтерские группы, в социальные акции, благотворительность.

Так, в апреле 2008 года в Центре онкологии и гематологии при ОДКБ № 1 именно молодежь был создан благотворительный детский фонд «МЫ ВМЕСТЕ» для организации помощи тяжелобольным, осиротевшим, попавшим в сложную жизненную ситуацию, одаренным детям из малообеспеченных семей.

Другим примером помощи со стороны молодежи является детский благотворительный марафон под лозунгом «Твой дар — во имя добра!». Он стартовал в прошлом 2010 году и проводился с целью сбора средств на создание первой на Урале студии детской анимации

при онкологическом центре ОДКБ № 1. Многие люди помогли собрать деньги на приобретение необходимой аппаратуры, а также на поиск волонтеров. Таким образом, в апреле 2011 года состоялось официальное открытие детской анимационной студии «Дар». В настоящее время два раза в неделю восемь ребятишек учатся делать настоящие мультфильмы.

Накануне Дня защиты детей в 2011 г. все маленькие пациенты Центра стали зрителями концерта, организованного общественным региональным фондом развития кино и телевидения для детей и юношества «Возрождение». Молодежные коллективы устроили настоящий праздник на площадке перед зданием центра, который могли видеть даже те, кто находится в палатах.

Еще один молодежный благотворительный проект проходит в Екатеринбурге — «Искусство против рака». В детском областном Центре онкологии и гематологии волонтеры еженедельно проводят уроки творчества с маленькими пациентами, своеобразную арт-терапию. Дети из пластилина создают свои произведения искусства, отвлекаясь от процедур, болезненных уколов, тяжелых недетских мыслей. Огромная помощь и поддержка оказывается юношами и девушками со стороны бывших пациентов Центра.

Одна из них Катерина Яговитина после пересадки костного мозга и долгого периода реабилитации увлеклась фотографией. В сентябре 2011 года состоялась ее фотовыставка в Центре ОДКБ № 1.

Фото И. Пашниной

Другим бывшим пациентом — Долговых Анатолием — была проведена акция по сбору средств на приобретение медицинского инструмента для Центра. В настоящий момент Анатолий с друзьями открыл турфирму BigFoot, которая занимается организацией и проведением корпоративного отдыха (соревнований, «веревочных курсов», тренингов), спортивных походов (пеших, лыжных, горных), сплавов, отдельных восхождений, скальной подготовкой и многим другим. Периодически навещая онкоцентр, Толя увидел острую необходимость в дополнительном медицинском оснащении отделения.

В 2008 году турфирма провела мероприятие под названием «BigFoot Autumn Race» (Большая Осенняя Гонка на приз БигФута). Изначально оно задумывалось как мультигонка со сбором средств на благотворительность для оказания помощи Центру онкологии и гематологии ОБДК № 1. Но в итоге мультигонка преобразовалась в туристское спортивное мероприятие для корпоративных клиентов. Собрали тогда около 25 тысяч рублей, купили на эти деньги хирургический инструмент, который заказали сами врачи.

В прошлом году задуманное похожее мероприятие провалилось, поскольку не было поддержки от людей.

12 ноября 2011 г. «BigFoot Autumn Race» состоялась в Сысертском районе в природном парке «Бажовские места» на Тальковом Камне. Подготовку к мероприятию начали задолго до назначенного срока реализации. Приглашали к сотрудничеству абсолютно всех через форумы, социальные сети, личное общение. Очень много народа приняло участие в организации и проведении мероприятия. Пришли все, кто смог: друзья друзей, знакомые знакомых. Сами «бигфутовцы» выступили в роли инструкторов. Кто-то приехал на мероприятие за несколько дней, чтобы подготовить территорию, напилить и нарубить дров.

Огромный вклад внесла администрация природного парка «Бажовские места». Сотрудницы отдела туризма помогли развлекать присутствующих, проводили костюмированные экскурсии с ними. Отдел охраны выделил водителя с квадроциклом, в результате чего вся заброска осуществлялась с особой охраняемой территории. Директор ПП «Бажовские места» встречал

гостей, рассказывал про парк.

Мало, кто был на мероприятии со стороны и не имел никакого отношения к природе. В основном, конечно, подобралась туристская компания. Среди них

Встречный ветер

представители Сысертского туристского клуба, туристы — водники г. Екатеринбурга и г. Сысерти, коллектив спортивного клуба «Восточный стиль» и многие другие любители путешествий.

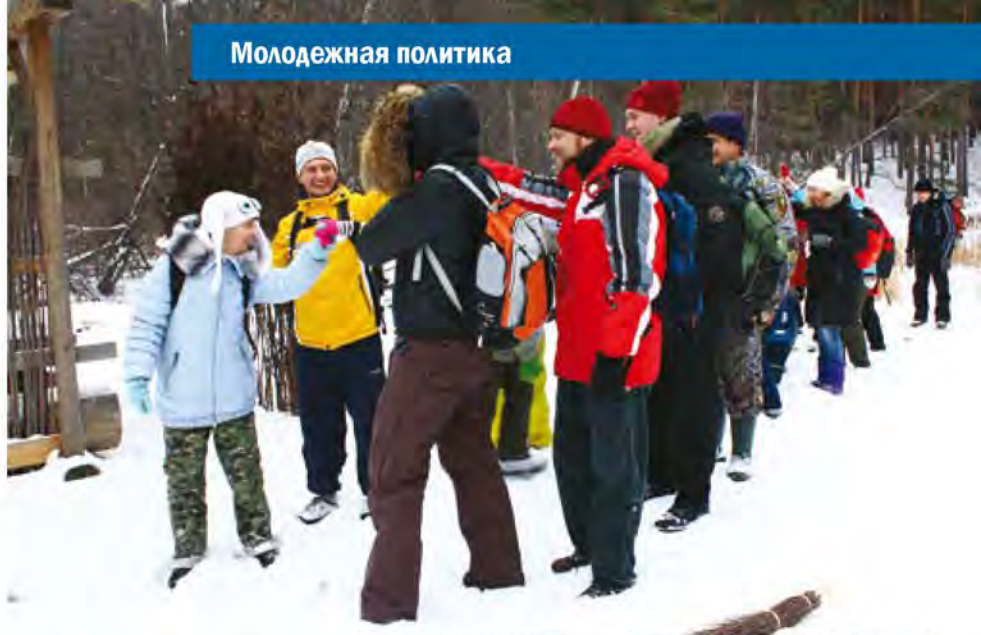
На мероприятии были организованы: несложная дистанция по технике туризма с добавлением этапов из веревочного курса, скальная подготовка, полевая баня, прорубь и теплое общение. Сысертский конный клуб выделил лошадку, в результате чего подготовили отдельный «аттракцион», в котором приняли участие как новички, так и любители верховой езды. По завершении мероприятия собрались все вместе у костра, пустили «шапку» по кругу... Насобирали 18 тысяч рублей, после чего уже в частном порядке принимали конверты с деньгами. На сегодняшний день собрано около 39 тысяч рублей, и деньги еще продолжают поступать в «банк» — не все желающие еще сдались. Врачи уже готовятся выставить счет. Логичным завершением мероприятия станет покупка необходимого медицинского инструмента и торжественное вручение его больнице, в котором примут участие все организаторы.

«Что больше всего удивило, — отмечает Долговых Толя, — так это сам народ. Многие из присутствующих собирались в свое время революцию устраивать с дубинками, слезоточивым газом, а тут — такое доброе дело совершили. Никого уговаривать не пришлось, откликнулись сразу. В то же время у нас был разговоры и с представителями бизнеса, которые обещали внести свою лепту. Правда, на этом обещании все и закончилось».

На будущий год командой BigFoot запланировано проведение подобного мероприятия, но уже с учетом пожеланий от принимавших участие людей, новых идей и предложений. Организаторам очень бы хотелось как сделать его более массовым.

В завершении нашей беседы, Толя сказал слова, которые должны, на мой взгляд, стать девизом любого человека: «Если не можешь изменить что-то глобальное, наведи порядок в пяти метрах вокруг себя. Если каждый так сделает, то порядок настанет везде. Самое главное — это сдвинуться с места, заставить себя что-то делать, например, помочь тем, кто нуждается в тебе»...

Это же так просто и логично. Как дважды два. Как «аз», «буки», «веди»...

УРАЛ-«МАКАР»-БЛЮЗ Строго на Север

Который раз с нетерпением смотрю на часы. До встречи осталось минут 40 — пора собираться. Забросив в сумку ручку, блокнот, «флэшку», захлопнув дверь и сбежав вниз по лестнице, влилась в шумный поток машин-людей.

Сергея Ильича перехватила еще у метро — непривычный холод ноябрьского вечера совсем не располагал к медленной ходьбе.

«Здравствуйте. Это я вам вчера звонила».

«Здравствуй. Понял. Пойдем».

Сергей Ильич Питаленко — один из участников необычного путешествия по осеннему Уралу — с огромным удовольствием согласился рассказать об экспедиции. 8 человек на 2 самодельных вездеходах фирмы «Макар» на протяжении 26 дней и 3200 км заново открывали для себя Урал, чтобы увидеть такой далекий и такой досягаемый Северный Ледовитый океан...

Анастасия Ложкина

Фото
Леонида
Фалкенберга

Путешествие
по Уралу

«Ну, давай, начнем с маршрута нашего путешествия. Из Екатеринбурга нас доставили в самый северный город Свердловской области – Ивдель. Дальше наш путь пролегал строго на север: поселок Вижай – пос. Ушма – пер. Дятлова – хр. Мань-Пупу-Нер – деревня Усть-Манья – пос. Саран-Пауль – база «Желанная» – город Инта – пос. Елецкий – город Воркута – Карское море – пос. Лаборовое – город Салехард. Потом на барже сплавлялись по р. Малая Обь до поселка Приобье, откуда уже своим ходом мы вернулись в Екатеринбург.

Первый участник, Главный, **Алексей Макаров**, благодаря которому и состоялось все это мероприятие. Хобби у него — путешествия. Серьезные путешествия, экспедиции. А начал он, как часто бывает, с обычных «покатушек» по грязям на подготовленных, переделанных машинах, принимал участие в трофи-рейдах, соревнованиях. Есть у нас в городе клуб внедорожников, OFF ROAD, так Алексей из него вышел. Неинтересно ему стало убивать машины по выходным, а потом неделями их восстанавливать. Ну и у Алексея возникла идея: преобразовать эти машины в вездеходы.

Первую, которую он назвал своим именем — «Макар», делал года 2–3 от момента возникновения идеи до ее осуществления. И то, что мы проехали весь маршрут без каких-либо серьезных поломок, связанных с конструкцией, говорит о том, что Алексей идет верным путем.

Это **Фалкенберг Леонид**. Живет то в Москве, то в Екатеринбурге, то в Челябинске. Чем занимается сейчас конкретно — не совсем понятно, но 90% фотографий сделано им. Хороший фотоаппарат, куча объективов... Лёня долгое время работал фотокорреспондентом в журналах, в том числе и в «4x4». Участвовал в соревнованиях на своей подготовленной машине с целью отснять интересные моменты. Именно во многом благодаря Лёне наше путешествие не завершилось на 2 день. Об этом позже.

В этом путешествии приняли участие 8 человек. Все люди необычные: у кого-то свой бизнес, кто-то занимается политикой, кто-то колесит по всему свету.

Первый ходовой день путешествия был не очень удачным для группы. Сработал человеческий фактор. Помимо водителей было много желающих «поругать» «Макаром». Машина несколько своеобразна, нужен определенный опыт вождения, который был у обоих Алексеев. До этого путешествия они достаточно долго управляли вездеходами на разных маршрутах. И вот, неудачная попытка «поругать» закончилась печально: левым колесом машина въехала в дерево при всей своей массе в 3,5 тонны (с экипажем и грузом). Дерево отделалось содранной корой, а у «Макара» загнулся кожух

переднего моста. Полуось перестала вращаться, а на двух оставшихся мостах по запланированному маршруту проехать было проблематично, особенно в болотах Урала.

Собрали консилиум. Алексей Макаров после тщательного осмотра заключил: «Надо возвращаться». Можно только представить, что испытал каждый участник после таких слов...

Неожиданно Леонид предложил идею, как можно все исправить в таких вот условиях без дополнительных инструментов и специальной техники. Пожалуй, мало кто представлял себе, как это возможно, но за работу взялись все. Пять часов возились с лебедками, чурбачками, блоками, бензопилами. В итоге выправили так, что путешествие можно было продолжать!

▼ По дороге на перевал Дятлова

Стали дальше подниматься на перевал имени группы Дятлова, куда теперь ведет хорошо раскатанная дорога.

Несмотря на свою печальную известность и жутковатость, место это притягивает своей таинственностью десятки людей.

То ли злой рок перевала, то ли испытание на прочность, но неприятности с поломками не закончились. Случилась еще одна беда. На той же машине, где был поврежден передний мост, полетел редуктор. Из-за чего это случилось — сказать трудно, но результат, как говорится, налицо.

Оказалось, что и эта поломка вполне может быть исправлена. Проблему решил с помощью спутникового телефона Николай Лантух. Позвонив своим знакомым в Курган, в Екатеринбург, он договорился о нужной детали, которая через пару дней была доставлена его другом Николаем Панкратовичем. Он привез группе целых два редуктора.

Второй, запасной, как отметил Иванов Андрей, стал немым гарантом и напоминанием цены предыдущей ошибки.

Во время трехдневного ожидания участники экспедиции исследовали окрестности, подвозили удивленных и обескураженных туристов. Перевалив через хребет в Пермский край к истокам р. Хозя (в переводе с мансийского — «быстрая река»), встретили рыбаков. Река сильно обмелела, поэтому рыбаки были вынуждены волоком тащить нагруженные лодки.

Прибывшие на подмогу «макаровцы» предложили прицепить судна за вездеходы и подбросить до большой воды, на что рыбаки с огромной радостью согласились.

Вернувшись обратно, группа перекинула редуктор, все встало на свои места. После починки «Макары» продолжили свой путь по хребту на север. По безлесью, перескакивая словно рязиновые мячи участки курумов (каменных рек), группа подъехала к хребту Мань-пупы-ньер (Маньпупунер, манс. «малая гора идолов»), в районе которого ютятся старенькая избушка. В прошлом году ребята поднимали ее лебедками — покосилась она, почти на земле лежала. Нынче они установили в избе новую печку, а на будущий год запланировали починить крышу, перекрыв ее рубероидом.

Хребт Мань-пупы-ньер со своей семьей каменными исполинами расположен на территории Печеро-Ильчского государственного заповедника, поэтому для его посещения

Алексей Тихомиров
большую часть экспедиции был за рулем второго «Макара».

необходимы специальные разрешения. Однако многие игнорируют этот факт, в результате чего у подножья хребта был организован кордон с круглосуточным наблюдением. Участникам экспедиции повезло: лесников-сторожил на месте не оказалось.

Дальше «макаровцы» двигались по реке Манья, на которой стоит геологическая база по добыче золота и «улучшению» окружающей природы.

В небольшой деревушке Усть-Манья группа остановилась на ночевку. В населенном пункте проживает всего 6 человек (по данным Википедии — 40), но, несмотря на это, она обозначена на административно-политической карте России как одна из немногих в столь труднодоступных местах. «Макаровцы» купили

у местного жителя картошки, точнее, выкопав пару ведер, обменяли их на консервы, крупу и прочую снедь.

По зимнику от Усть-Маньи группа прибыла в следующий пункт своего назначения — поселок Саран-Пауль (с мансийского — «зырянская деревня»), в котором впервые после Екатеринбурга совершили заправку «Макаров». Это большой поселок типа районного центра, где проживают манси, ханты, русские. Саран-Пауль оторван от цивилизации. По реке Северная Сосьва имеет сообщение с поселками Сосьва, Няксимволь. На север от Саран-Пауля — горный хребет, на юг есть возможность

Андрей Ганаев. Имеет свою фирму, занимающуюся транспортными перевозками. Он-то и организовал нам доставку вездеходов до Ивделя.

Николай Лантух — депутат. Нормальный мужик. Вместе с Пашей Русиновым предпочитают путешествовать, в основном, по хорошим, проложенным дорогам, но по всему миру. Проехали Америку с севера на юг, Евразию от Прибалтики до Вьетнама.

проехать только зимой. Однако местное население живет неплохо.

Познакомились в райцентре с местным предпринимателем, армянином (см. «УС» №№ 3, 12, 6, 7/2008). Он держит свой магазин, снабжает продуктами жителей, занимается организацией путешествий для туристов. Пригласил к себе домой, баню натопил и все сожалел, что не может составить компанию группе.

Рядом с Саран-Паулем разрабатывается месторождение хрусталя — Неройка (гора Неройка в переводе с мансийского означает «старик-гора», «хозяин гор»), куда проложена отличная дорога.

После «изъедено» шурфами горы начался участок крутого склона длиной в 4 км, после чего экспедиция подъехала к геологической базе «Желанная» — отправной точке при восхождении на горы Манарагу и Народную. В свое время в этом районе были найдены огромные залежи хрусталя, пожалуй, ничуть не меньше, чем на Неройке. Оставив позади Царицу гор и высшую точку Урала, «макаровцы» направились в Инту.

Город встретил тучами мошкеры, комаров и прочего гнуса, которые больше нигде на пути так не донимали путешественников. Это, по-видимому, из-за того, что Инта находится в низине, в безветрии. Еще раз заправились. В Инте три человека — Николай Лантух, Павел Русинов, Андрей Ганаев — покинули экспедицию. Кого на работу срочно вызвали, у кого дела не терпят долгого отсутствия хозяина, а кому-то еще в Иран собираться. Дальнейший путь группа продолжила уже впятером.

Андрей Иванов — спортсмен до мозга костей. Участвует в соревнованиях по авто- и мотоспорту в России и за границей. Автор отчета о путешествии на сайте E1.

Пересекая изумительной красоты просторы осенней расцветшей после ночных заморозков тундры, «макаровцы» подъехали к стойбищу хантов. Невесомые нарты, уютные с деревянными полами внутри чумы, суетящиеся у очага женщины... Мужчин в поселении не оказалось. Они пасли оленей под бдительным присмотром лаек в нескольких километрах от стойбища. В гармонии с природой вдали от суеты и цивилизации, испокон веков ханты бережно стерегут незыблемость своего Севера. Несмотря на суровость природы и твердость характера, гостям всегда рады в тех краях. Позавидовав в чем-то простоте и естественности жизни, «макаровцы» добрались до Елецкого, откуда путь пролегал в Воркуту (с мансийского — «край, изобилующий медведями»). В город путешественники заехали интересным путем — через болота — другого просто не нашли. В глаза сразу бросилось то, что Воркута потихоньку затуха-

Паша Русинев. Веселый молодой человек, путешественник. Имеет свое дело по очистке воды. Ставит большие системы на предприятиях, занимается домашними фильмами. Сейчас он в Иране.

Сергей Ильич Питаленко. Единственный, как он выражается, «простой» участник путешествия. Не бизнесмен и не депутат, работает «на дядю» — на заводе, получает зарплату. Однако, «простой» вряд ли всю жизнь и зимой, и летом будет заниматься походами, и собственноручно сооружать лампы Чижевского...

ет. Если раньше там разрабатывалось 17 шахт, то сейчас осталось 5 и те вот-вот прекратят свое существование. Продать жилье там невозможно. А ведь совсем недавно Воркута была центром угольной промышленности Севера России.

Впереди у группы — участок до Карского моря длиной в 4 дня по тундре, зимникам, болотам. Однако неожиданный, но приятный сюрприз не заставил себя ждать. Дорога!

Вот уже несколько лет на полуострове Ямал разрабатываются огромные залежи газа, который нужно транспортировать в европейскую часть. Одна из ниток газопровода идет от Ямала через пролив до побережья, мимо Воркуты и дальше на юг. И Газпром начал строительство нитки трубопровода с прокладки этой самой дороги, которую начали отсыпать и ровнять 1,5–2 года назад. Она не асфальтирована, но в идеальном состоянии. Техники по ней идет — немерено и вся грузовая: самосвалы, экскаваторы, подъемные краны, «вахтовки». Завозится оборудование, трубы, строятся вахтовые поселки. Однако дорога ведомственная, для гражданских лиц закрыта. Установлены шлагбаумы, охрана. Но все

это не для «Макаров», которые без особых усилий могли выехать на дорогу где угодно в объезд постам, что и сделали у Воркуты.

Так вот дорога и подсобила экспедиции. Те четыре дня, которые были потрачены на ожидание запчастей и ремонт, группа нагнала, домчавшись до побережья за 5 часов! И вот оно — Карское море, Северный Ледовитый океан.

К Байдарацкой губе — крайней северной точке маршрута своей экспедиции — группа подъехала уже к вечеру.

«Стою на берегу, — вспоминает с загадочной счастливой улыбкой Сергей Ильич, — слушаю осеннюю песню тундры, шепот бриза. На безмолвной глади воды на горизонте начали постепенно загораться огни морских судов. Свою Победу мы отметили купанием, разведением костра и просто отметили. Порой во время путешествия не верилось, что увидим побережье океана. Но ведь сумели, добрались! Осталось немного — доехать до Салехарда, погрузиться на баржи и сплавиться по Оби. А там — заключительный рывок в полтысячи километров до Екатеринбурга...» Но об этом — в следующий раз.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

География путешествия: Средний, Северный, Приполярный, Полярный Урал, Побережье Карского моря, Западно-Сибирская равнина.

Сроки прохождения: 20 августа – 14 сентября 2011 г. (26 дней).

Общая протяженность сухопутной части маршрута: 3200 км.

Активная часть маршрута – 2160 км, включая около 600 км по насыпным дорогам.

От Приобья до Екатеринбурга: около 1000 км по асфальту.

Переезд на малой барже: 600 км по р. Малая Обь.

Средний расход топлива в активной части экспедиции на одно транспортное средство: 31,2 литра на 100 км.

Серьезных поломок: 2 случая. **Количество проколов колес:** несколько десятков.

Максимально достигнутая скорость одного из вездеходов, которая была зарегистрирована во время обгона: 107,5 км/ч. **УС**

▲ Длинноволокнистый хризотил-асбест

Баженовское месторождение ХРИЗОТИЛ-АСБЕСТА

Иллюстрации предоставлены авторами

Встречный ветер

Баженовское месторождение длинноволокнистого хризотил-асбеста — крупнейшее в мире промышленное месторождение. Оно расположено в 60 км к северо-востоку от г. Екатеринбурга, в районе г. Асбест. Месторождение было открыто в 1885 г. землемером Уральского горного управления А.П. Ладъженским. В настоящий момент месторождение обрабатывается открытым способом, при этом общая длина карьера составляет 11 км, максимальная ширина — 2 км, а глубина до 280 м.

С геологической точки зрения Баженовское месторождение находится на Восточном склоне Среднего Ура-

Михаил Попов

доцент кафедры минералогии Уральского Государственного Горного Университета, кандидат геолого-минералогических наук

Юрий Ерохин

кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии и геохимии УрО РАН, Председатель Уральского отделения РМО

ла. Месторождение приурочено к одноименному дунит-гарцбургитовому массиву, который на западе граничит с сопряженным с ним Асбестовским габбро-норитовым массивом. Месторождение расположено в узкой (до 10 км) зоне между Адуйским гранитным массивом на западе и Рефтинским габбро-тоналитовым массивом на востоке.

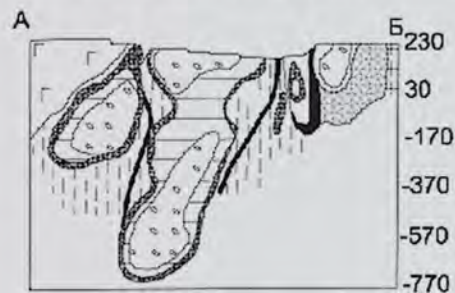
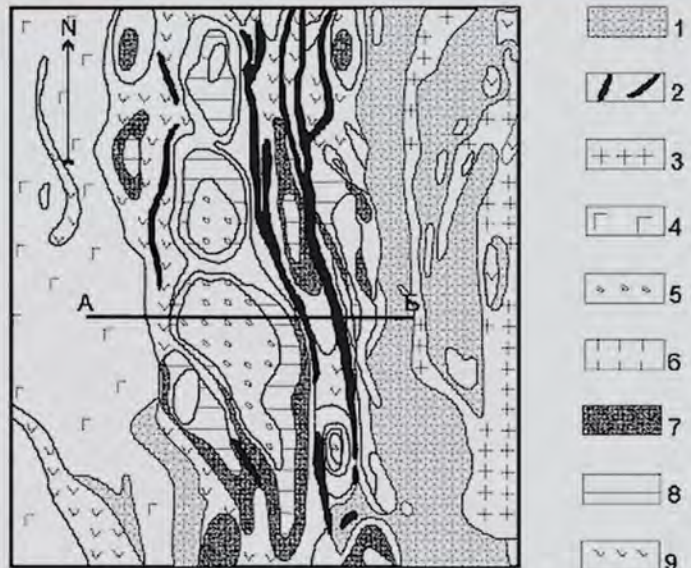
Промышленные залежи хризотил-асбеста установлены в серпентинизированных гипербазитах (карта). Массив представляет собой линзообразное тело шириной 1,1–3,5 км, вытянутое в северном направлении на 30 км. Максимальная вертикальная мощность массива составляет более 3,5 км и уменьшается на широте озера Окуневского до 1 км. Асбестоносные породы, развитые вдоль разломов, сопряжены между собой и формируют гигантскую сеть, в петлях которой сохранились блоки слабо измененных гарцбургитов (карта). Залежи хризотил-асбеста имеют зональное строение. В непосредственной близости от разломов в серпентинитах появляются многочисленные тонкие прожилки (просечки) и единичные жилки асбеста мощностью до 4 мм. По мере удаления от разломов серпентиниты с зоной тонких просечек сменяются серпентинизированными гипербазитами с зонами мелкой и крупной сеток.

Минералогия месторождения изучалась и продолжает изучаться многими исследователями: В.В. Черных (1930 г.), Ю.А. Соколовым и Л.И. Поздняковой (1976–1980 гг.), А.А. Ангоновым (1995–2003 гг.) и Ю.В. Ерохиным (с 1996 г. и по настоящее время). На данный момент в пределах месторождения установлено около 170 минеральных видов, основным среди которых является хризотил-асбест, образующий промышленные залежи.

► Схематическая геологическая карта и разрез Центрального участка Баженовского месторождения. Составил В.Д. Дыбков (1967 г.)

Условные обозначения:

- 1 — тальковые, тальк-карбонатные породы;
- 2 — дайки аплитов, диоритов и др. пород гранитной магмы;
- 3 — граниты, диориты краевой части гранитного массива;

- 4 — габбро;
- 5 — гарцбургиты;
- 6 — серпентиниты с просечками асбеста;
- 7 — серпентиниты с асбестоносностью типа мелкой сетки;
- 8 — гарцбургиты и серпентиниты типа круглой сетки;
- 9 — серпентиниты массивные и рассланцованные

Голубой брусит

екта – самородное серебро, олово и хромферид, а также сделаны новые находки уже известных здесь золота, железа и меди. В 2011 году одним из авторов в связи с подготовкой монографии проведена масштабная ревизия каменного материала, в результате которой в различных породах было установлено пять новых минералов для Уральского региона (гупейит, клиноцоизит – (Sr), эпидот – (Sr), редгиллит и митчерлихит). При этом ранее в период с 1996 по 1999 гг. на данном объекте Ю.В. Ерохиным были открыты очень редкие гипергенные минералы (водные нитраты меди – герхардтит и ликазит, а также девилтлин), образующиеся при окислении сульфидов в родингитах и габброидах.

В этом же 2011 году на Баженовском месторождении известным минералогом и профессором И.В. Пековым

Минералогии Баженовского месторождения хризотил-асбеста всегда уделялось большое внимание, так как оно является одним из крупнейших в мире. В разные годы по данному объекту было опубликовано три монографии и большое количество статей и тезисов докладов. К сожалению, на настоящий момент активность изучения объекта несколько снизилась, что связано с различными причинами (месторождение стало более закрытым для посетителей, исследователи переключились на менее изученные объекты и т.д.). Тем не менее, в последнее время появились новые сведения о находках тех или иных минералов. К примеру, в 2010 году одним из авторов были приведены новые сведения по самородным металлам и интерметаллическим соединениям Баженовского месторождения хризотил-асбеста. Тогда были описаны новые минералы для объ-

Хризотил-асбест – минерал из группы серпентина, образующий поперечно- и продольно-волоконистые агрегаты, которые легко расщепляются на тонкие волокна. Наиболее важными его свойствами являются высокая механическая прочность волокон, прядильная способность, огне- и теплостойкость, звуко- и электроизоляционные свойства, устойчивость к щелочам, высокая адсорбционная активность и способность к образованию устойчивых композиций с различными вяжущими материалами. Цвет баженовского хризотил-асбеста варьирует от красивого желтовато-зеленого с переливами до серовато-зеленого, темно-серого и почти черного. В распушенном состоянии асбестовые волокна становятся белыми или серовато-белыми.

Прожилковый хризотил-асбест в серпентините

с коллегами (устное сообщение) в родингитах был обнаружен необычный новый минерал — касаткинит. Его можно найти только на данном объекте и нигде в мире он больше не встречается.

Помимо хризотил-асбеста Баженовское месторождение стало знаменитым среди любителей камня благодаря декоративным коллекционным образцам из серпентинитов и родингитов, широко наблюдаемых на данном объекте. Одним из них является брусит, который обычно встречается на месторождении в виде полупрозрачных белых или серых кристаллов. В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века было вскрыто гнездо, содержащее кристаллы прозрачного небесно-голубого брусита, которые украсили многие музейные коллекции и частные собрания. Интерес для коллекционеров представляет офит, который встречается в виде плотных масс желто-зелёного цвета.

Родингитовые тела, встречающиеся на месторождении, содержат полости и трещины, стенки которых покрыты прекрасными щётками кристаллов граната и пироксена. Наибольшее распространение среди гранатов Баженовского месторождения имеет гроссуляр (также редко встречается андрадит), типичными спутниками которого являются диопсид, везувиан и хлорит. Многообразие цветовой гаммы гроссуляра приводило к недоразумениям — любители камня присваивали ему названия уваровита,

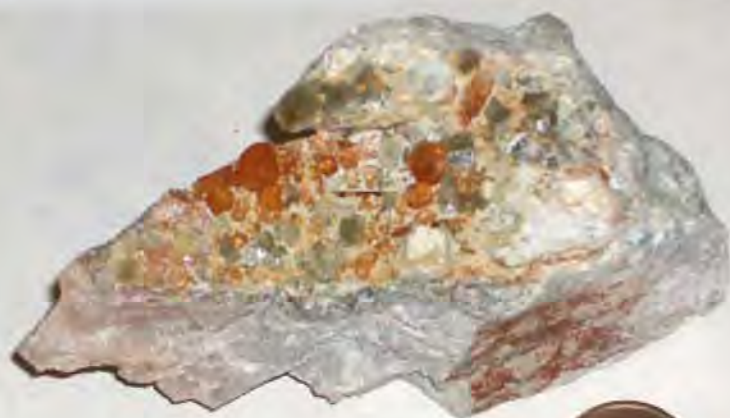

▲ Баженовский гранат (гроссуляр)
▼ Змеевик

▲ Хромистый гроссуляр в родингите
▼ Гроссуляр и диопсид на родингите

▲ Ваза из змеевика
▼ Любители камня на смотровой площадке

спессартина и даже названия других гранатов. В качестве особой разновидности можно выделить хромистые гроссуляры красивого интенсивно-зеленого цвета, разрозненно сидящие в рыхлом родингитовом материале. Эти хромсодержащие гроссуляры яркого изумрудно-зеленого цвета встречаются на Баженовском месторождении достаточно редко.

Особой популярностью у камнеобрабатчиков и простых обывателей пользуются декоративные серпентиниты (змеевики) месторождения, которые подходят для изготовления различных по форме и недорогих камнерезных и ювелирных изделий.

Баженовское месторождение давно известно и притягательно для любителей камня. В настоящий момент можно попасть на смотровую площадку Центрального карьера, с которой открывается красивый панорамный вид на месторождение. Экскурсанты смогут увидеть всю технологию добычи и транспортировки,

руды из карьера на обогащательную фабрику. Здесь же на площадке и левее её, на отвалах, любители камня могут собрать коллекцию наиболее распространенных пород и минералов Баженовского месторождения. ✎

▲ Дом Алиных в Чердыни

Алины: трагедия рода

Иллюстрации предоставлены автором

Летом 2011 г. в Чердынском краеведческом музее им. А. С. Пушкина раздался телефонный звонок из г. Усть-Лабинска Краснодарского края — от Сергея Николаевича Согрина. Он сообщил нам, что он является внуком чердынского купца Николая Петровича Алина и высказал пожелание передать в дар музею документы и личные вещи, касающиеся этой купеческой династии.

В музейном собрании с 50-х годов XX в. хранится часть семейного архива купцов Алиных, большинство документов принадлежит Василию Николаевичу Алину, купцу первой гильдии — представителю купеческой династии Алиных, которая была известна далеко за пределами Чердыни.

Новые поступления для нас очень ценны: дневник Анфии Даниловны Алиной, урождённой Ржеввиной (1880–1975 гг.), который она вела с перерывами, начиная с 1917 по 1957 г., письма к ней её супруга — купца второй гильдии Николая Петровича Алина (1869–1919 гг.) и другие документы времён эмиграции в Маньчжурии и Бразилии. Все эти материалы интересны воспоминаниями о старой Чердыни, начиная с великого переворота. Личные переживания Анфии Даниловны о судьбе России и судьбе семьи, знакомством с её внутренним миром, постоянным обращением к православной вере, которая помогла пережить постигшую трагедию рода Алиных после революции 1917 г., годами изгнания на чужбине, становлением связей с такой далёкой и любимой Родиной!

Не менее ценными для нас являются сведения и о современных потомках купеческого рода Алиных — Согриных!

*И. Копытова, главный хранитель
Чердынского краеведческого музея
им. А. С. Пушкина*

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Сергей Согрин

Родился в 1937 г. в Шанхае (Китай). Когда ему было 10 лет, семья вернулась в Россию, в Свердловск. Закончил Уральский политехнический институт по специальности металлургические печи. В «Уральском следопыте» печатался его очерк с изложением версии гибели группы туристов И. Дятлова. Настоящая публикация подготовлена автором на основе архивов семьи чердынской купеческой династии Алиных-больших. Живет в г. Усть-Лабинске Краснодарского края.

Пермь Великая Чердынь

Чердынь — древнейший город Приуралья. Стоит на правом берегу реки Колвы в 6 км от ее впадения в Вишеру. Когда здесь возникло поселение русских, история не знает. Но то, что на чердынских «семи холмах» люди жили уже в VIII – IX веках, подтверждают раскопки. А первое сохранившееся упоминание о Чердыни относится к 1451 году. К тому времени это было уже одно из главных русских поселений Верхнего Прикамья.

Царь Иван III в 1472 г. (после похода на Казанское ханство) направил на Урал во главе войска князя Федора Пестрого и воеводу Гаврилу Нелидова. Результатом их похода было «взятие Пермской земли» с присоединением к Московскому государству громадных территорий Северного Приуралья, богатых мехами, лесом,

▼ Реконструкция Чердынской крепости на Троицком холме. Ныне сохранился только крепостной вал. Рисунок из книги Г. Чагина «Чердынь»

солью, рыбой. Годом раньше Великий Новгород своей «Отказной грамотой» предоставил эти земли Москве.

Долгие годы Чердынь служила опорой Московскому княжеству в освоении других уральских и сибирских земель. Чердынская крепость не раз отражала натиск пришельцев из Сибири. А кто оставался в живых, говорили, что «на Чердынь с мечом ходить опасно».

Драматическим стал 1547 год, когда у деревни Кондратьева Слобода «... заставу чердынскую русаков и пермяков побили». До сих пор чердынцы поминают молитвой «об упокоении русских богатырей на поле брани убиенных Иоакима, Феодора, Парфения, инока Иова, Иоанна, Галактиона, Евсевия, Симиона, Луки, Исаакия, Иерофея, Моисея, Тита, Космы, Ангишы...» и других. Всего 85 имен.

В 1535 году Чердынь становится городом. И именуется отныне только «Пермью Великой Чердынью», став административным, транспортным и торгово-ремесленным центром на Государевой или Московской дороге, которая шла с Камы на Вишеру

ПЕРМЬ ВЕЛИКАЯ ЧЕРДЫНЬ

через Каменный Пояс (Урал) на реку Лозьву и далее по рекам на Обь.

За Уралом чердынцы строят Лозьвинский городок — первый опорный пункт в Сибири, а позднее закладывают еще два: Березово и Пелым. Чердынцы обеспечивают их воеводами, ратными и мастеровыми людьми, продовольствием и деньгами.

Оживились торговые отношения с Сибирью. Но дорога была длинной и трудной. И вот в 1597 году усольский крестьянин Артемий Бабинов находит более короткий путь из Соли Камской в верховья Туры. И в тот же год чердынцы на финише этой «новой сибирской верхотурской дороги» закладывают город Верхотурье. Воеводы Василий Головин и Иван Воейков выбирают место и остаются там: первый — воеводой, а второй — верхотурским головой.

Но Чердынь тем самым подписала себе приговор. Новый путь, минуя город, привел к возвышению Соликамска и одновременно к ослаблению роли Чердыни. Она некоторое время еще оставалась торгово-ремесленным центром Верхнего Прикамья, обходя тот же Соликамск по объему производства и торговли в 2,5 раза.

В 1607 году в Верхотурье Чердынь отправляет изготовленные местными кузнецами топоры, косы, сошники и др. инвентарь. А за четыре года

▲ Чердынь на рубеже XIX – XX вв.

до этого посылает туда плотников. Еще раньше в Пельым — «40 детей боярских, знающих мансийский язык, попа и 20 купцов». В 1609 году — охочих людей до 100 человек на пашню в Таборинскую волость Сибири.

Чердынь продолжает не только осваивать Сибирь, но и выполнять Государевы заказы, помогая Москве продольствием, ратными людьми «со всем ратным оружием».

После административной реформы в первой четверти XVII в., когда Чердынь вошла в состав Соликамского уезда, она окончательно потеряла самостоятельность, оставшись торгово-ремесленным центром уже только северо-восточного Приуралья (Печоры). На первое место в Верхнекамье окончательно вышел Соликамск. Так круто распорядилась история со старейшим городом Урала. Но не только с ним. Теперь речь пойдет о знатной прежде чердынской династии купцов Алиных, которая исчезла навсегда, но сохранила у чердынцев добрую память — в сердцах и в исторических местах города.

Уцелевшие дневники Анфии Даниловны Алиной (1880-1975), письма к ней ее супруга купца второй гильдии Николая Петровича Алина (1869-1919) и другие семейные архивы, позволили воссоздать жизнь чердынцев на рубеже XIX–XX веков, а также и трагедию, постигшую род Алиных в последующие годы.

Альбом А.Д.Алиной (Ржевиной) со стихами ▶

Деньги или смерть

В девичьем альбоме Алиной много стихов и добрых пожеланий, написанных начиная с 1896 года. В 1917-м она сделала свою первую дневниковую запись и с тех пор вела дневник с перерывами вплоть до 1957 года.

Предоставим слово ей самой.

«Прошло 2 месяца с великого переворота. Жизнь шагнула вперед. И радостно на душе и страхи от всевозможных слухов лезут в голову, а сердцу не хочется верить».

Такая должна быть ясная заря новой эры! Народ-темень, вожди его — люди Бог знает откуда выжили. Их чистоты идеальной пока не видно, каждый что-то свое личное достигает и о благе народа помину нет. Большею частью стараются поселять классовую рознь. Как это видно!»

Все забыли, что у нас война, и только свое проводится в жизнь. А ведь теперь, именно теперь бы надо сплотиться, встать на защиту и оказать посильную помощь тем, кто сидит в окопах. А тут всеми руководит какая-то нетерпимость. Вот и свобода! Кажется порой, что есть те, которые как будто сознательно играют в руку немцев. И так порой страшно за дорогую, любимую Россию, что душа замирает.

Одного только нормального борца вижу я пока — это В.Т.Бортновского. Он не так идеален, как я понимаю, но он сознательно хочет блага народу. А тут руководят какие-то Брусны, Буровы и др. — люди неизвестного прошлого».

Весть об октябрьском перевороте в Петрограде дошла до Чердыни 27 октября. Созданный ранее «Союз рабочих» сформировал свою рабочую дружину и 23 января 1918 года провозгласил Советскую власть.

Вспоминает Г. В. Ефремов:

«Осталось нас 11 человек да часть присутствующей публики. Власть признана. Нужно нам действовать, а опыта политического и административного ни у кого нет.

Повестка дня исчерпана вопросом о взятии власти. А что делать на первых порах и как действовать в дальнейшем?»

Однако в ту же ночь начинаются аресты. К 3 февраля опечатывают здание управы, казначейства, типографии. 5 февраля на заседании исполкома «обложены контрибуцией купцы: чердынские на 100 тыс. рублей, а покчинские – на 50 тыс».

Таковы первые шаги новой власти. 6 февраля на помощь прибывает из Лысьвы отряд Красной гвардии и начинаются обыски, отбирается оружие, конфискуется имущество. На улицах – вооруженные патрули.

После обыска в доме Алиных Николая Петровича увозят на расстрел. Но живой купец лучше мертвого. Требуя выкуп. И так семь раз: ставят к расстрельной стенке, вымогая деньги.

Во главе ЧК поставлен А.П. Трукшин, уже имеющий опыт расстрелов в Лысенском революционном трибунале. По всему краю идут кровавые расправы с противниками новой самопровозглашенной власти.

На краю

18 ноября 1918 года в Омске адмирал А.В. Колчак принял на себя тяжелое бремя Верховного правителя России. Из обращения Колчака к народу: «...Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю, что не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности.

Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру».

29 ноября 1918 года армия генерала В.О. Каппеля (35 тыс. штыков и сабель) перешла в решительное наступление, разгромив 3-ю армию красных (28,5 тыс. штыков и сабель). 21 декабря взят Кунгур, 24 декабря пала Пермь. В последних числах декабря – Чердынь. С севера по Печоре движется армия Миллера с целью выйти на Чердынь и Пермь.

Чердынская новаявластная власть оказалась в западне. Ей ничего не остается, как в конце декабря собрать обоз с документами, награбленным имуществом и деньгами и по старинному тракту двинуться на Косу в сторону Вятки. 19 января 1919 года в Юрле все погибает от рук восставшего против Советской власти населения.

Белогвардейцы восстанавливают в Чердыни прежний порядок. Теперь кровавый террор исходит от них. Расправлялись с оставшимися большевиками и их пособниками.

Николай Петрович Алин понимал весь трагизм положения – прежнего не вернуть. В Перми расстрелян последний провозглашенный, но не коронованный император Михаил II, отказавшийся от престола на 4-й день. В Екатеринбурге убит Николай II. Что ждет Россию? Дело, начатое прадедами, которому он посвятил всю свою жизнь, стоит на краю. Рано или поздно красные и его, Алина, расстреляют, когда нечем станет откупаться. Что будет с семьей, детьми?

Успехи колчаковских армий остановились на подступах к Казани уже в мае 1919 года. Причин много: сложная внутривнутриполитическая обстановка в белом движении, измены, пропаганда большевиков в армейских частях, невыполнение приказов командования и своих обязательств перед союзниками...

1 июля 1919 года 3-я армия красных занимает Пермь и Кунгур. Несколькими днями позже покидают Чердынь белогвардейские войска, а вместе с ними и чердынцы, испывтавшие на себе произвол новой власти Советов и ЧК.

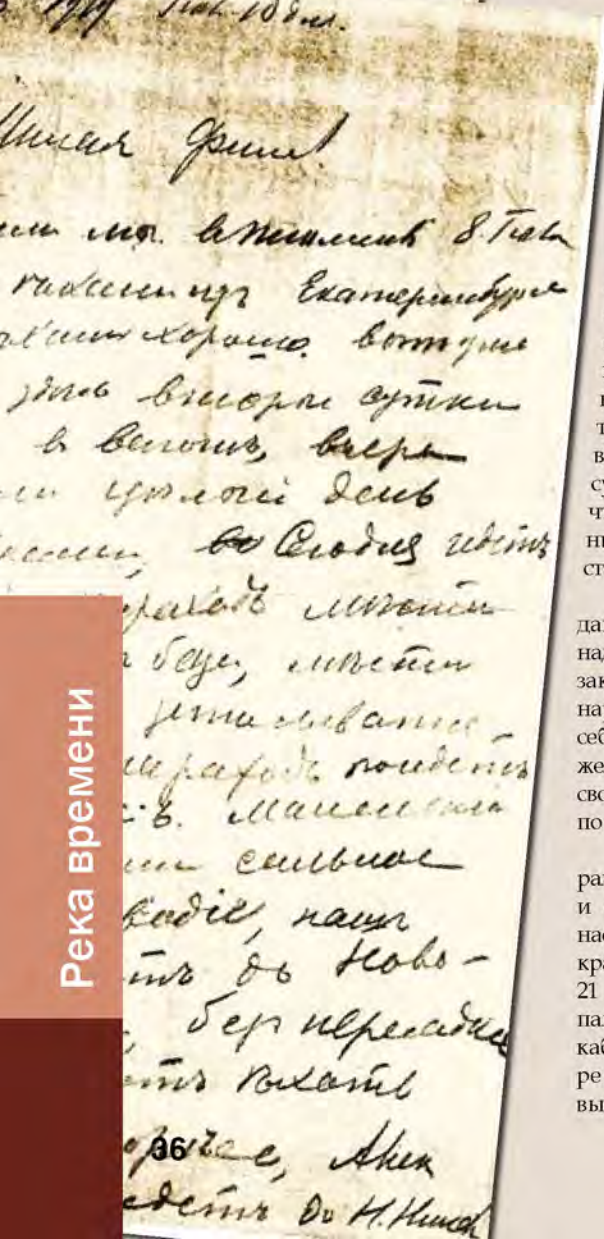
«Дубы не гнутся, а ломаются»

Алины с четырьмя детьми добрались до Екатеринбурга. На вокзале – тысячи беженцев, желающих уехать на Восток.

Николай Петрович со своей неуемной энергией был намерен ехать в Омск и предложить свои услуги и средства Верховному. По свидетельству Г. Чагина (автора книги «Чердынь», Пермь, 1972 г.) «Слава об Алиных – больших, да Алиных – малых шагала чуть ли не по всей России».

Но этому не суждено было случиться. Переживания последних месяцев, «расстрелы» не прошли бесследно. Случился первый сердечный приступ.

Из дневника Анфий Даниловны: «Страшно трудно ему было и нравственно, и физически. Унетала его эта

Река времени

невольная поездка и крах дела. Сколько я его ни разговаривала, что не одни мы, а вся Россия горит, и позора тут нет. Дело, дело погибшее унетало его дух. Все думал и думал и скорбел».

Тем не менее, Николай Петрович сумел один в вагоне железнодорожных служащих выехать из Екатеринбурга.

«Тюмень, 1919 г., июля 10 дня.
Милая Фина!

Приехали мы в Тюмень 8 июля, вечером, ехали из Екатеринбурга одни сутки. Живем в вагоне. Вчера целый день проходили за справками. Сегодня идет последний паровоз, сильное здесь мелкободье. Все советуют ехать поездом – скорее. Наш вагон пойдет до Ново-Николаевска. Тоже и тебе советую – ехать поездом. Хлопчи место. Думаю о Вас, как-то ты попадешь с ребятами, старайся поехать скорее. Боже сохрани, не останься там...

Чувствую себя удовлетворительно.
Торопись. Н. Алина»

Так самостоятельно они добираются почему-то до Томска, в тупик от основной магистрали. Штамп регистрации в паспорте Анфии Даниловны фиксирует дату 24. VIII. 1919 г.

И снова строки дневника о тех трудных днях:

«Петя (старший сын) все огорчал папу, все ставил ему в вину Томск, зачем в тупик захали, и все звал скорее выбраться. Н. П., видимо, так устал, что страшился пути дальнейшего. Сердце-то было больным, и он жаловался, что ему не вынести. А мы все советовали забрать себя в руки. В Томске доктора не обратили внимание на сердце».

Петя боялся за него и нас, чтобы красные не застали в Томске. 13 ноября мы выехали из Томска. Н. П. едва сел в вагон. И что это был за вагон?! Весь в дырах и из-под угля. Село человек 90. Н. П. всю ночь пришлось просидеть на корзине, а Васе (второй сын) даже и места сидеть не было. Одним словом, был конмар для всех. Бедный, он слабел и был временами, как дитя...

10 дней ехали так до Иркутска. Ночью очень мерзли. Как вынесли – прямо чудо. Там пересадка. Сели в вагон третьего класса. Там мы его уложили, но удобств никаких. Я утром захворала и уже вставать еле могла.

Н. П. вовсе мало интересовался окружающим и как-то отошел от жизни, все говорил: «Я ведь как багаж». Но в Чите все же выбрался сам.

Прибыли мы сюда 26 ноября, и на вокзале пришлось пробыть трое суток.

Я была больна, сидеть не могла. Н. П. было немного лучше, чем в дороге...

Наконец Пете с большим трудом удалось достать разрешение для прописки нас в Чите и найти квартиру...

Н. П. стало хуже. Господи, как здесь трудно все достать, и докторов никаких не найдешь! Я была еще больна и вставать не могла, и за папой все ухаживал Вася, и ночью он к нему вставал, и помогал во всем...

Бедный, он сильно стонал и был все время как бы в забытьи, хотя в сознании. Все думала, что он нервничает, и советовали взять себя в руки, а оказалось, человек доживал свои последние дни...

Тяжело ему достался путь. Дышать становилось все труднее...

Он показал рукой на грудь. Я положила ему одну руку под голову, а вторую на грудь. Он взвел глаза, голова немного опустилась, и затих. Я думала, уснул, но смотрю – вовсе не дышит. Попросила Марусю (старшая дочь) принести икону и перекрестила его, а сама все еще не верю и руки из-под головы не убираю, что свершилось страшное таинство смерти.

Пришел Вася с доктором. Он сказал: «Сердце устало работать и жить!» Сильно страдал вдали от Родины, но тихо отошел ко Господу.

Все Н. П. говорил: погоди, устроимся и будем жить, будем ездить отдыхать. Вот и уехали на веки отдыхать в Читу. А как мало жила!

Как ему было трудно эти месяцы, что одно мучение, ведь дубы не гнутся, а ломаются. Налетел ураган на Россию, и мы закружились в вихре. Папочка не вынес его налета, сломался.

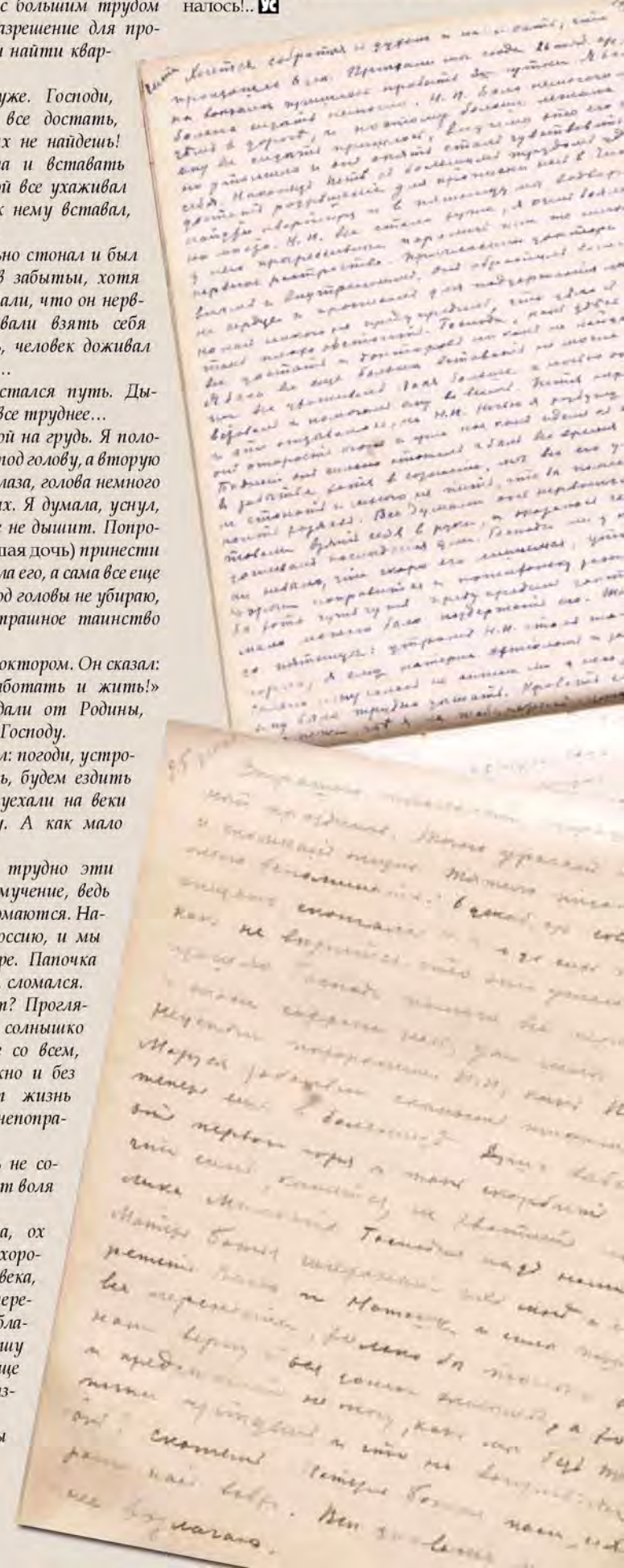
А что нас ждет? Проглянет ли над нами солнышко вновь?.. Ну да Бог со всем, жили с этим, можно и без богатства, а вот жизнь ушла – это уже непоправимо.

Почему Господь не сохранил его? Да будет воля Его над нами.

Тяжела утрата, ох как тяжело было хоронить близкого человека, но Господь помог перенести, и он же, Всеблагой, направит нашу жизнь. Ребята еще малы, а все, все разрушено!..

...Прожили мы с Н. П. 19 лет...»

6 декабря 1919-го не стало Н. П. Алина. А как все хорошо началось!.. **УС**

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Мастерица из «Дворянского гнезда»

Иллюстрации предоставлены автором

В гости к художнице Нине Михайловне Колчиной, что живет в деревне с названием Дворяне, в 6 километрах от города Яранска Кировской области, мы приехали в конце рабочего дня. Хозяйка отложила все огородные дела и пригласила нас в дом. Дом у нее необычный, больше похож на музей. Во дворе и сенях собраны старинная утварь, лошадиная сбруя, всевозможные инструменты, которыми лет триста назад орудовали предки хозяйки-мастерицы, занимаясь гончарным и кирпичным ремеслом. В доме на стенах — старинные фотографии родных, собраны грамоты, дипломы, награды, сотканые ее матерью полотна и кружева и, конечно, творения самой Нины Михайловны — рисунки, иконы, глиняные игрушки.

Художница-керамист, она известна не только в районе, но и далеко за его пределами. Обладатель многих призов, в том числе международных. Недавно вернулась из Санкт-Петербурга с фестиваля «Наследники

традиций», а впереди поездка в Республику Марий Эл. Нина Михайловна сетует на то, что не успевает изготовить нужное количество игрушек к предстоящей выставке, очень уж много дел весной в деревне.

Елена Кожина

Главный библиограф Яранской районной библиотеки, руководитель Яранского отделения Кировского филиала Содружества павленковских библиотек. Окончила Пермский гос. институт культуры. Активно занимается краеведением. Редактор корпоративной газеты «На библиотечной орбите».

Работы члена Союза художников «Солярий» выставлялись во многих городах России: Яранске, Котельниче, Кирове, Тольятти, Суздале, Набережных Челнах, Санкт-Петербурге, Москве и за рубежом: Осаке (Япония) и Вольфсберге (Австрия).

В 1999 году Н.М. Колчина стала победительницей международной выставки глиняной свистульки в Северной Италии (в Чезене). Выставка была посвящена 2000-летию христианства.

Бывая на конкурсах, выставках и ярмарках, она обменивается с коллегами своими игрушками. В ее домашнем музее — целая коллекция керамических игрушек разных направлений. Здесь представлены дымковская игрушка из Вятки, филимоновская из Тульской области, абашевская из Пензенской, каргопольская из Архангельской, гжельская керамика и другие.

Кроме того, Нина Михайловна собирает историю возникновения деревни Дворяне, составляет семейное древо рода Колчиных. Изначально деревня называлась по одним источникам Малые Щеглы, по другим — Балчуги и была небольшой, домов в десять. С ее образованием связана легенда. Жил в деревне парень, Петр Колчин. А невдалеке находилось имение некоего столбового дворянина (имя которого история не сохранила). У барина были дочери, а сыновей не было. И одна из дочерей влюбилась в Петра. Барин долго не давал согласия на неравный брак простолюдина и своей дочери «голубых» кровей. Некоторое время Петр жил в имении, а потом вместе с суженой перебрался в свою деревню. Пошли у них дети, и вскоре большая часть жителей стала носить фамилию Колчиных. Так что вполне уверенно можно сказать, что в уроженцах Дворян действительно течет дворянская кровь.

Жители деревни занимались одним промыслом — делали из красной глины кирпич, который везли продавать в Кукарку (Советск), на то и жили, а для души лепили игрушки. Мастерство свое передавали из поколения в поколение, и Нина Михайловна оказалась керамисткой уже

▲ Н.М.Колчина — хозяйка музея

▼ Награды мастерицы

Голубой цвет — это цвет Богородицы. В праздники в честь Пресвятой Богородицы священники во всех храмах надевают облачения голубого цвета.

в пятом колене. В детстве в ее руки часто попадала глина, и девочка уже в пять лет мастерила причудливые фигурки. А в девять лепила уточек, курочек, лошадей. Но это — в свободные часы, а в рабочее время вместе с отцом и братом месила глину для кирпича.

Через год Н.М. Колчина отметит 70-летний юбилей. А пока вспоминает вехи своего жизненного пути. Окончив семь классов в Пиштанской школе, работала на ферме. Однажды ее рисунки увидел корреспондент районной газеты «Знамя коммунизма» и пригласил участвовать в районной выставке. Так «Северные олени» и «Красный овраг», нарисованные на обратной стороне обоев, попали потом на областную. Жила и работала в Горьком, Йошкар-Оле, Тольятти. В 1973-м в Москве окончила заочный народный университет искусств имени Н.К. Крупской. Работала художником-оформителем на Авто Вазе, преподавала в художественной школе, руководила кружком в военно-морском клубе. Десять лет отдала мастер-

▲ Дворянская игрушка

◀ Фольклорный ансамбль «Сударушка»

авторской глиняной игрушки, отличающейся росписью от давно известных и популярных на Вятке дымковских.

Ее игрушки: свистульки, фигурки зверюшек и птиц, подковы-обереги и светлые ангелы — все расписаны в бело-голубых красках. Причём голубой цвет преобладает. «Почему?» — спрашиваем мы у мастерицы.

Нина Михайловна объясняет так: «Голубой цвет — это цвет Богородицы. В праздники в честь Пресвятой Богородицы священники во всех храмах надевают облачения голубого цвета. Наши земляки белили игрушки мелом или белой глиной, а голубую краску готовили при помощи синьки.

На моих игрушках вы видите восьмиконечные звёздочки. Такую звезду называют звездой Богородицы, поскольку на всех явленных в России иконах Божьей

ской, где работали художники разных стилей. Имя Н. М. Колчиной занесено в историко-культурную энциклопедию Самарского края. Авторская игрушка представлена

в шести каталогах. В середине 2000-х Нина Михайловна вернулась на постоянное жительство в Кировскую область, в родную деревню Дворяне. Она известна как мастерица своей,

Коллекция керамической игрушки ▼

Река вре

Матери именно такие звёзды изображены на плечах Богородицы. Такая яркая звезда зажглась над пещерой, когда родился Иисус Христос».

Теперь у деревни Дворяне есть свой символ – бело-синий ангелочек. А в коллекции игрушек мастерицы появилась утка, которая изображена на гербе г. Яранска.

Возрождая дворянскую игрушку, Нина Михайловна собирает секреты гончарного мастерства. Есть у нее и опыт изготовления православных икон из обожженной глины и мелких камешков. На ветру они не разрушаются и на солнце не выгорают, а выглядят как дорогие, из смальты. Чтобы приступить к работе, получила благословение батюшки, прочитала много литературы, разговаривала со специалистами. И только после этого сотворила икону Богородицы с младенцем Иисусом.

Мастерица передает свой промысел молодежи. Проводит мастер-классы, организовала с детьми кружок по лепке из глины, с 2008 года ведёт занятия в дворянской Школе ремесел, передавая землякам секреты создания «дворянской глиняной игрушки». И в доме-музее, наряду с игрушками мастерицы, представлены работы, выполненные ее учениками. Очень дорожит Нина Михайловна игрушками, сделанными Генриеттой Геннадьевной Солохиной, которая, уже тяжело болея, находила в себе силы создавать удивительные произведения. Недавно она покинула этот мир, но оставила о себе добрую память. Коллекция ее работ, бережно хранимая мастерицей, напоминает о прекрасном человеке и талантливой ученице.

Нина Михайловна стала организатором и вдохновителем праздника – фестиваля народного творчества «Дворянское гнездо», который проводится с 2007 года в престольный праздник д. Дворяне – Успения Пресвятой Богородицы (28 августа).

Есть у Нины Михайловны и опыт изготовления православных икон из обожженной глины и мелких камешков. На ветру они не разрушаются и на солнце не выгорают, а выглядят как дорогие, из смальты.

Праздник открывает молебен у часовни, стоящей на возвышенности, с которой просматривается не только вся деревня, но даже колокольня и купола Яранского Троицкого собора.

Часовню построили по инициативе Нины Михайловны. Она заготовила для нее собственноручно написанные и отреставрированные иконы. В празднике «Дворянское гнездо» чудно перешлепаются и фольклор, и мастерство, и духовность, что отражает саму жизнь. На праздник съезжаются местные мастерицы со своими изделиями. Здесь представлены лоскутное шитье, бисероплетение, кружево, традиционная народная кукла, изделия из бересты, соломки, теста, дерева, корня. Несомненно, «дворянская игрушка» всегда в центре праздника. Выполненная в оригинальной «колчинской» традиции – голубое с белым, – она привлекает к себе внимание. Почти каждому хочется оставить ее на память о празднике. ☒

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Дело было в Буньковой

Иллюстрации предоставлены автором

Моя мама Смирнова Мария Павловна (урожденная Шуйских) родилась в 1926 году в д. Буньковой Голубковского сельсовета Синячихинского района Свердловской области в семье хлеборобов. Окончив в 1944 г. Ирбитское педучилище, работала заведующей детским садом в д. Нижняя Синячиха, затем — учительницей начальных классов на ст. Ясашная и в г. Алапаевске (средняя школа №12). Ее педагогический стаж насчитывает более 30 лет. Мои родители воспитали троих детей. В 1985 г. они переехали к нам в Киров. Сейчас у мамы 6 внуков и 2 правнучки. Великая труженица, она и сегодня ни минуты не сидит без дела: летом — выращивает урожай на садовом участке, удивляя всех своей работоспособностью (крестьянская «закваска»!), а зимой занимается домашним хозяйством. Как человек творческий, рукодельничает. Имеет активную жизненную позицию, проявляя интерес к современности. Тоскуя о своей малой родине, она очень хочет, чтобы о деревне Буньковой, которая когда-то была немаленькой и наполненной созидательной крестьянской жизнью, а теперь умирает, была написана книга. Моя мама — представитель поколения, на плечи которого легла Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Я записала ее рассказ об этом времени, о том, что сохранила память.

Предвоенный патефон

Моя родина — деревня Бунькова, где я прожила до войны. Родительский дом стоял в самом центре деревни, возле дороги, соединяющей между собой два города: Алапаевск и Ирбит. Отец мой Шуйский Павел Ианнуарьевич, 1904 года рождения, был председателем колхоза им. Сталина, мама Зоя Егоровна (в девичестве

Черемных) тоже работала в колхозе на разных полевых работах. А люди в колхозе перед войной стали жить неплохо. Хлеба было — завались. Скот только ограничивали в личных подворьях, нельзя было иметь больше одной коровы. Чтобы лучше работали в колхозе, а не у себя. Лошадей в личной собственности

Людмила Романенко

Родилась в деревне Буньковой Алапаевского района Свердловской области. Детские годы прошли в Алапаевске. Закончила Ленинградский инженерно-экономический институт. Ответственный редактор-составитель историко-статистических сборников «Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность», выпусков «Памятной книжки Кировской области и календаря», изданий серии «Из истории вятской статистики». Живет в Кирове.

не разрешено было держать, всех забрали в колхоз.

В тридцатые годы, когда в колхозе дела пошли хорошо, давали на трудодни и деньги. Мы купили велосипед. Взрослый. В 1935-м отец на этом велосипеде привёз меня из Алапаевска домой в деревню (а это 70 км). Он встречал меня на вокзале, когда я вер-

нулась из Свердловска. Там я гостила у дяди Феди, старшего брата отца. Я окончила тогда 2 класса.

На этом велосипеде я быстро научилась кататься, сначала под рамкой, т. к. он был взрослый, мужской, и с сиденья ноги до педалей еще не доставали. В то время велосипеда не было ни у кого в деревне, кроме нас, потом еще появился у счетовода. Его сын Павел тоже катался на велосипеде.

До войны у нас у одних в деревне появился и патефон. Было много разных пластинок. Все старые песни, которые сейчас передают, у нас были на пластинках. Патефон летом по вечерам ставили на подоконник, открывали окно, включали и, меняя пластинки, прокручивали весь пластиночный репертуар. Деревенские, и дети, и взрослые, освободившись от дневных хлопот, собирались послушать музыку. Сидели на лавочке возле дома, на заросшем травой краю канавы вдоль дороги, на лужайке. Никто не танцевал, просто слушали. Тогда ведь не танцевали в деревне, только плясали, но это в праздники, на свадьбах.

Отец мой был работящим, немногословным и по-крестьянски мудрым человеком. Его очень уважали односельчане. Нас, детей, с детства тоже приучали к труду. К окончанию школы я умела выполнять практически всю крестьянскую работу: полоть в огороде, косить, грести, пилить пилой, помогала по дому и ухаживать за скотом.

Прощальная уха

Поступление в училище. Война. Когда я в 1940 году окончила школу, хотела идти учиться на счетовода. Отец сказал: «Тебе не подойдет эта работа, там нужен твердый характер, это не женское дело, тут нужен мужчина». В колхозе у нас из грамотных людей, людей с образованием, были лишь счетовод и учитель. Кто-то из ребят пошел учиться на зоотехника. А мне только и оставалось — в учителя. И я пошла в дошкольное училище в Ирбит. Конкурсов никаких не было, по-моему, только надо было сдать экзамены. В школе я училась хорошо, и экзамены трудностей для меня не составили.

Год перед войной я уже жила в Ирбите. С довоенного первого года своей учебы помню только здание, в котором училась. Здание было большое, красивое. Прямо напротив

училища располагалось общежитие, в котором мы жили.

Когда объявили войну, я была на каникулах дома. Радио в нашей деревне никакого не было, поэтому весть о начале войны пришла из с. Голубково, где находился сельский совет. После известия все мужчины деревни под вечер собрались, сели в лодки и уехали за реку на озеро. Там ловили рыбу, варили уху на берегу, вели свои мужские разговоры. Устроили вечер прощания, т. к. все стали ждать повестки. Они понимали, что не всем доведется вернуться живыми обратно. Так и случилось.

На следующий день пошли повестки. Скоро пришла повестка и отцу. Это случилось в июле, т. к. бабушка и моя сестра узнали о том, что отца забирают на фронт, когда возвращались из леса с черникой. Сразу ему собрали мешок, в который положили все необходимое. Мы, все родные, сели с отцом на телегу и поехали за деревню провожать. Ехали

вместе примерно один километр, потом простились, и они уехали в сторону Алапаевска. Уходил он в тот день на фронт из деревни не один. Это была уже вторая партия. Увели мужчин на войну на нескольких телегах. Было тепло, сухо, день был солнечный, все были легко одеты. Отец, прощаясь, говорит «Маня, учись. Слушайте мать, помогайте». Женщины плакали, а мы-то ещё не очень всё понимали. В доме нас осталось 7 человек: бабушка Агафья, мама и 5 детей. Из детей я была самая старшая, мне исполнилось 15 лет, Кате было 9, Пете — 6, Зине — 4, а самому младшему, Ване, только годик (он родился 9 июля 1940 г.).

Пуд хлеба — в награду

Летом на каникулах я помогала и дома, и в колхозе. Осенью 1941 года я училась уже на втором курсе. Нас ждали серьезные перемены. Училище стало сугубо женским по составу: не стало ни одного мужчины среди

1938 г. Маня Шуйских
с младшими сестрами и братом ▶

преподавателей и ни одного мальчика — среди учеников. Одни ушли на фронт, другие — в трудовую армию. Здание училища отдали под госпиталь, а нас перевели в другое. Объединили педучилище и дошкольное училище. Общежитие, в котором я жила до войны, было занято под военные цели, а в городском универмаге располагался штаб. Всех, кто приехал на учебу, разместили на частных квартирах, в том числе и меня. Спали мы на полу. Это продолжалось, наверное, месяц, питание налажено не было, я решила бросить учебу и вернуться домой. Там помогала маме. Мама была не против, что я бросила учебу: как-никак помощница в доме.

В колхозе сколько-то я работала помощником бухгалтера, пока настоящая помощница была в отпуске. Я была и помощницей повара летом во время сенокоса, получала на складе и на ферме продукты для столовой, а также развозила вместе с поваром на лошади по покосам приготовленную пищу. Там я раздавала еду работникам.

В войну меня от нашей деревни послали в с. Кировское. На учебу по противовоздушной обороне. Я, пройдя там курс учебы (это было примерно 2 недели), должна была научить этому своих деревенских. В деревне, в помещении конторы, я провела два занятия, и на этом все закончилось.

Зимой в войну в деревне работа была организована на молотье хлеба круглосуточно: днем работали взрослые, а ночью мы — молодежь. Летом и осенью, во время уборки, на полях снопы с зерном свозили в несколько мест, укладывали их в клады. Зимой к этим кладам подъезжал трактор, здесь же устраивался ток. Начинался обмолот. Молотилка была тракторная. В одну сторону сыпалось зерно, в другую по транспортеру шла солома. Я стояла и откидывала вилами в сторону солому, а стоящие сзади отбрасывали ее еще дальше. Потом мы на волокушах, запрягаясь в них сами, солому отгаскивали на поле чуть дальше и сметывали в скирды. Позднее эти скирды увозили на фермы.

Заготавливали дрова для детского садика, конторы. Ездили в лес на лошади. Березовый лес находился от деревни на запад, в сторону Михалево. Человек 6 взрослых и детей (я ездил вместе с мамой) садимся в сани и едем в лес. Там двуручными пилами спиливаем березы, распиливаем их на чурки и складываем в одно место. Снег глубокий, в снегу проваливаешься, пока идешь до дерева и потом пилишь, но надо работать. Одеты были на ногах в валенки, а на себе — у кого что было: полушубки, пальтушки. Вывозили дрова из леса уже другие наши односельчане, посланные специально для этого.

Летом работала я и в поле. В августе 1942 в колхозе на жатве хлеба

устроили соревнования. И я за неделю серпом убрала (сжала и связала в снопы) рожь на площади в один гектар. Целый гектар вручную! Победителей было двое: я, 16-летняя девчонка, и еще одна женщина Зоя Ефимушковых. В награду полагался пуд хлеба. Мне сначала не хотели выдавать, потому что я не была членом колхоза, но за меня вступился бригадир: «Как не член колхоза? Она выросла здесь, на наших глазах, родители — члены колхоза, значит и она тоже — член колхоза». После этого и я получила положенный пуд хлеба.

В нашем доме в горнице я сначала повесила на стену для красоты географическую карту. Потом сама сделала ковер из лоскутков, которыми обтянула кусочки картона, и повесила его вместо карты. Это было первое мое серьезное изделие. До этого мое рукоделие заключалось в обвязывании цветными нитками носовых платочков, сделанных из ткани. Этим я занималась в Ирбите в первый год своей учебы. Освоила я вязание, можно сказать, самостоятельно. Мама, конечно, умела вязать, и я просила ее научить меня. Но у нее не было времени долго сидеть со мной и учить. Она показала мне, как надо держать крючок, как начинать вязать. Я начинала это делать, но у меня ничего не получалось, она нервничала и говорила, что я делаю все неправильно. На этом вся учеба кончалась. И уже,

Бывшая школа №2, где находилось педучилище в годы войны ▼

уехав в Ирбит, я стала кумекать потихоньку и научилась.

Дорога к знаниям

Поначалу все считали, что за год война закончится. Но этого не случилось, и через год, осенью 1942 г., я вернулась на учебу в Ирбит.

Не помню, как и где, но именно в этот пропущенный год учебы я потеряла свое свидетельство о рождении. Чтобы продолжать учебу, получить паспорт и просто, чтобы куда-то поехать, этот документ был необходим. Дубликат можно было получить только в городе Алапаевске. Пришлось мне одной идти пешком в Алапаевск за этим документом. Ни много ни мало, 70 км пешком туда и столько же обратно. Через поля, деревни и леса. Шла одна. Останавливалась по дороге только однажды у своих родных (сестры бабушки Агафьи) в д. Первуновой.

До войны попутным транспортом (возили в Ирбит продавать из колхоза хлеб, овощи) привозили мне продукты, а во время войны я уже сама возила их на саночках, только однажды за все военные годы мне их привезли на лошади.

Из Ирбита на каникулы ходила домой пешком. После занятий в последний учебный предканикулярный день (обычно это было в 12 часов дня) собиралась и — домой, 50 км, не останавливаясь, без всяких перекуров. Из 50 км километров 10 шла лесом. Одна, т. к. в войну все, кто вместе поступал, бросили учебу. Не боялась. И зимой, и летом. Однажды летом, возвращаясь с каникул в Ирбит, шла не обычной проезжей дорогой, а лугами. Началась страшная гроза, я испугалась и спряталась в кусты. Конечно, все равно вся вымокла насквозь. А шла я этим путем, чтобы зайти к своим родственникам в д. Соколову и попросить у них велосипед, чтобы доехать до Ирбита (у нас к тому времени велосипеда уже не стало), но хозяйка велосипед не дала (побоялась, наверное), и я дальше опять пошла пешком. Расстояние преодолевала часов за 8–9. Помню, не раз, возвращаясь из Ирбита и дойдя до Буньковой, по пути к дому проходила мимо клуба, был поздний вечер, клуб еще был открыт, но зайти туда сил уже не было.

Молодежи моего возраста и чуть младше в деревне было много. На фронт таких не брали, и все помогали оставшимся женщинам как могли, заменив мужчин, ушедших на войну. Кажется, за день так устаешь, а наступает вечер, и все равно

Здание Ирбитского педучища ▼

бежишь в деревенский клуб, где собиралась вся молодежь. Играли в разные игры, брали в библиотеке книги, гуляли по деревне. Хоть и были полугодовые.

Во время войны все свои ценные вещи (папегфон, фашонки (кружевные накидки на плечи. — Л.Р.), фаянсовую посуду и велосипед) мы вынуждены были обменять на хлеб. Папегфон был продан трактористу вместе с пластинками.

В деревне Елань, расположенной неподалеку, жил двоюродный брат отца Григорий, на фронт его не взяли. В годы войны он заведовал фермой. Отец с фронта писал: «Обратитесь за помощью к Григорию, если будет плохо». А получилось так, что, наоборот, мы помогли ему. В войну мы зарезали корову, чтобы рассчитаться с государством и сдать мясо. Мясо сдали и за себя, и за Григория, а он так и не вернул нам мясо. Потом купили корову недорого в деревне, она была истощена до предела, хозяева и продали ее оттого, что нечем было кормить. Мама любила ходить за скотом, сказала: «Я её выхожу», но корова сдохла.

Рядом с нашим домом возле дороги стояла часовня. В тридцатые годы, году в 1937, с нее был сброшен крест, а сама часовня закрыта. Вскоре там

был устроен гараж для единственной колхозной машины. В войну машину забрали на фронт, а позднее и саму часовню разобрали дотла и куда-то увезли весь кирпич.

Фабричное платье

Во время каникул летом 1943 года вместе с другими колхозниками работала я на ремонте дороги на Алапаевск. По дороге колхозы возили в Алапаевск сдавать государству хлеб и обязаны были поддерживать её в хорошем состоянии. Каждый колхоз отвечал за конкретный участок. Нашему колхозу был отведен участок недалеко от г. Алапаевска. Мы работали в районе станции Синячиха, грузили из карьера и возили на дорогу на лошадях, запряженных телегами, щебень. Жили прямо в придорожном лесу в палатках, т. к. до д. Буньковой было недалеко. Домой не ездили до завершения всей работы. Видели пленных немцев, которые делали железнодорожную насыпь строящейся железной дороги на Серов. Там же, в районе станции Синячиха. Близко подходить мы побаивались, к тому же немцы работали под охраной, которая никого не подпускала к пленным на значительное расстояние.

Из Ирбита на каникулы ходила домой пешком. После занятий в последний учебный предканикулярный день (обычно это было в 12 часов дня) собиралась и — домой, 50 км, не останавливаясь, без всяких перекуров.

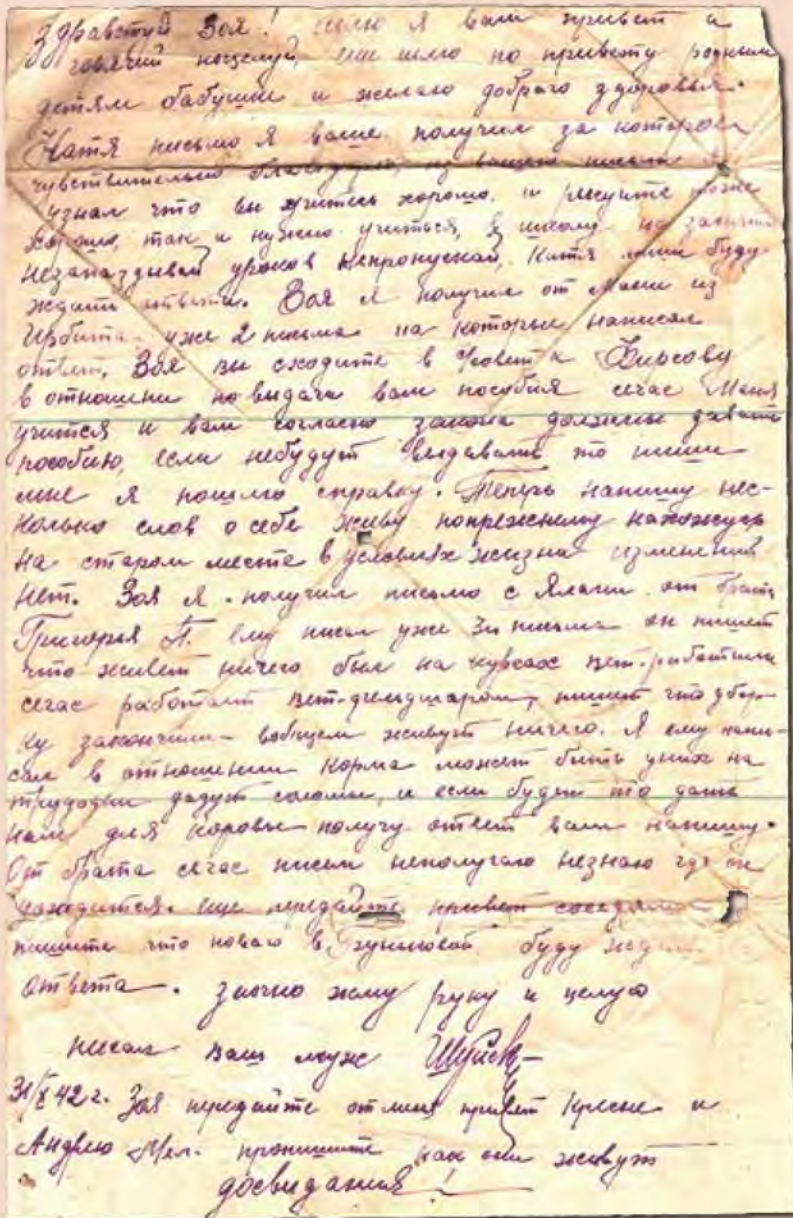
В войну мама, одна с деревенскими мужчинами, ходила в Верхотурье менять вещи на хлеб. Вот тогда и унесены были из дома наши красивые фэйшонки. «Фэйшоночный» хлеб не дал умереть с голода.

В войну донашивали то, что было приобретено до войны. В магазинах не только в деревне, но и в Алапаевске перед войной одежды практически никакой не было, за товарами ездили в Свердловск, покупали там ткани и шили себе одежду. Я помню, как-то до войны мне купили готовое

платье (с рук у одной женщины, которая приезжала в деревню и продавала вещи, уже не новые, но фабричного пошива). С синими и зелеными цветочками. Красивое! Купили тайком от отца, бабушка говорит: отцу не рассказывайте. Мне оно очень нравилось. Когда платье стало грязным,

выстирали, пошли полоскать на реку в проруби, повесили на дерево и забыли. Когда дома спохватились, вернулись, но платья там уже не было. И еще прошло очень много лет, прежде чем я вновь надела на себя фабричное платье, до этого всю одежду приходилось шить.

Отец писал с фронта часто, писал маме и отдельно нам, старшим детям. Интересовался нашими делами, учебной, жизнью в деревне, известиями о других земляках, ушедших на войну, в том числе и о своем старшем брате, кадровом военном. Его письма читали вслух мы, дети, потому что и мама, и бабушка были неграмотными. Мы ему тоже писали часто письма, каждый от себя, он очень рад был им и благодарил нас. Однажды в августе 43-го вместо обычного солдатского треугольника в дом принесли похоронку. Было горе. Но в смерть отца верилось не до конца, т.к. эта похоронка была уже второй по счету. В первый раз, годом раньше, такая же приходила к нам, но потом мы получили письмо от отца из госпиталя. Он сообщал, что был в бою тяжело ранен, и все решили, что убит. После госпиталя он продолжал воевать под Смоленском. Особенно долго не верила в его смерть мама, все надеялась на ошибку. И даже когда окончилась война, ждала, что вот-вот откроется дверь и он войдет в дом.

«Фэйшоночный» хлеб

Ваню, самого младшего из детей, все в семье очень любили. Из старой отцовской одежды сшили ему курточку, пришили к ней погоньи. И он был у нас как маленький солдатик. В войну, когда уже убили отца, было очень тяжело и есть было нечего, бабушка Агафья брата Ваню и ходила просить милостыню. Собирали милостыню они в д. Голубковой, которая находилась от нашей за 3 км.

Это не спасало. Семья была большая, и всех надо накормить. Не хватало хлеба. В войну мама, одна с деревенскими мужчинами, ходила в Верхотурье менять вещи на хлеб. Было это поздней осенью, когда завершались основные работы в поле. Путь – неблизкий, и они ночевали в зародах сена, чтобы не замерзнуть.

◀ 1942 г. Письмо отца с фронта

Вот тогда и унесены были из дома наши красивые файшонки. «Файшоночный» хлеб не дал умереть с голода. Летом мы ловили рыбу. Рыбы в Нище и в озере за рекой водилось много. Этим промыслом мы овладели с малых лет и детьми ловили рыбу на мелководье наволочкой, а в омуте — бреднем. Удочек никаких у нас не было. Летом всегда ходили в лес по ягоды: землянику, чернику, смородину. Любили, надев через плечо зобёнку (сплетенную из лыка сумку на длинной ручке), лазить и собирать черемуху на лугу. Осенью ходили за брусникой и клюквой. Начиная с самой весны, собирали молодые побеги сосны и ели, потом — стебли репья и пучки. Осенью в урожайные годы шишковали, заготавливали в лесу кедровые шишки и орехи. Однажды мы, дети, набрали шишек не один мешок и не смогли сами принести их домой. Сбегали в деревню за мамой, она приехала на лошади и увезла собранный урожай. Эти шишки лежали в амбаре в отдельном сусеке иногда не один год. От смолы перед едой мы обжигали их в печи или на костре.

В деревне у нас до войны никакого электричества не было. По вечерам зажигали в домах керосиновые лампы. Это было единственное освещение. Но уже году в 1943 сначала поставили на улице деревянные столбы, натянули провода и пустили по ним ток. Керосиновые лампы заменили электрическими лампочками.

Карточки

В войну в Ирбите, когда я вернулась в училище, мне дали общежитие в здании напротив училища, и после этого я до самого конца учебы уже жила там. В отдельном здании возле общежития стояла столовая, где мы и питались. Каждому были выданы карточки, из них по мере надобности вырезали талончики. Хлебные карточки были отдельно. Помню, выкупала по ним самостоятельно хлеб в магазине: давали на день 400 г мягкого, теплого, сыроватого черного хлеба. Можно было вместо хлеба на этот же талон купить сладкие пряники. Иногда мы так и делали. Конечно, выделенного по талонам питания не хватало, и для своей столовой мы сами выращивали картошку. Это было какое-то подспорье. Картофельное поле находилось за городом. Кажется, и не так далеко, но все равно: дадут тебе ведро кар-

тошки на посадку, и на себе несешь его до поля. Казалось, очень тяжело. Осенью во время копки картошки ее сразу сортировали: крупную отправляли в столовую, а мелкую складывали в сарай, который стоял здесь же, на поле. Она замерзала, и зимой мы ели мороженую картошку. Кроме уборки своей картошки, нас посылали осенью на уборку в колхоз возле Ирбита. Там мы, девушки, помогали убирать урожай колхозного картофеля. В столовой, помню, нам нередко весной, когда уже появлялась первая зелень, готовили суп из крапивы. А в деревне мы почему-то крапиву никогда в пищу не использовали, я этого не помню.

спливать целые большие деревья. А были одни девушки, все худенькие, из них многие были эвакуированы из какого-то детского дома с Украины, и леса они раньше в глаза не видели. Я их учила обрубать сучья, помогала пилить. Работа для нас (а для них особенно) была непосильная. Они стали возмущаться, хотели все бросить и убежать с лесозаготовок. Эти слухи как-то дошли до директора, она пришла к нам прямо в лес на место нашей работы, провела разъяснительную беседу, которая была очень убедительной. Все осталось до конца, пока не сделали все, что было положено. Война еще продолжалась.

Весной 1944 г. нас послали на лесозаготовки в д. Боровую. В лесу было тяжело работать, надо было вручную спливать целые большие деревья.

Немецкий со скрипом

В училище у нас была военная подготовка, нас учили стрелять и готовили на сандружинниц. У меня все получалось. Я стреляла очень метко. Мама очень беспокоилась, что меня заберут на фронт. Помню, однажды во время каникул она взяла меня и повела в д. Голубовку к ворожее, чтобы узнать у нее, пошлют ли меня на войну. Гадатка, поворожив на картах, сказала, что на фронт меня не возьмут, и все немного успокоились. Так оно и случилось.

Из иностранных языков мы в училище изучали немецкий. Можно представить, какое отношение к нему было во время войны с Германией! В классах мы сидели за партами, парты были старые, скрипучие. Как только в класс заходила преподавательница немецкого (немолодая женщина), все сразу начинали шататься на партах, они скрипели, создавался невообразимый шум, услышать было ничего невозможно. Она все равно продолжала объяснять, но никто не слушал. Учительница сама тоже все понимала. Меня она почему-то пригласила к себе домой и занималась со мной там. Мне было трудней, чем остальным, потому что я в своей школе иностранного языка никакого не изучала, у нас в деревне его просто не было.

Весной 1944 г. нас послали на лесозаготовки в д. Боровую. В лесу было тяжело работать, надо было вручную

«Гитлер — капут!»

Нередко мы ходили с концертами в госпиталь, который располагался напротив общежития (до войны это было наше училище), выступали перед ранеными бойцами. Я пела вместе со всеми в хоре. До войны, на первом курсе, я начала заниматься музыкой, училась играть на рояле, мне ставили пятерки. В госпитале находились в основном тяжелораненые. В большом зале, где до войны как раз стоял рояль и мы занимались музыкой, сейчас были кровати, и на них лежали раненые. На наше выступление приходили на костылях солдаты из других палат. Это были те, кто по состоянию здоровья мог самостоятельно встать с постели.

В 1944 г. я закончила педучилище. Была направлена на работу в деревню Нижняя Синячиха заведующей детским садом. В деревне я жила на квартире вместе с хозяйкой. Новый 1945 год отмечали в клубе, там был организован праздник и разные конкурсы. Я получила приз за инсценировку «Гитлер — капут!». А выглядело это так: на веревке я тянула и провезла по всему клубу перед зрителями корыто, в котором лежал якобы труп Гитлера с характерными усиками. На животе надпись на листке бумаги: «Гитлер — капут!». Под смех собравшихся корыто из зала поднялось на сцену, и под аплодисменты мне вручили главный приз. ☒

VII Международная
туристская выставка

ИНТУРМАРКЕТ

2012

17-20 марта

Москва, МВЦ «Крокус Экспо»»

- Официальная государственная поддержка
- Крупнейшие туроператоры
- Более 130 стран и регионов России
- Надежные перевозчики
- Выставочная площадка №1 в России

Официальная поддержка

Министерство спорта,
туризма и молодежной политики
Российской Федерации

Федеральное агентство
по туризму

Генеральный партнер

Стратегический Российский
партнер

Генеральный партнер
по размещению участников
выставки

Организатор выставки

Специализированная
программа
деловых мероприятий
Hosted Buyers
(Профессиональный
покупатель)

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134 - 241X
следопыт
www uralstalker.com

ноябрь 2011

Аэлита

50

Законы Вселенной

ЖЕНЯ ПОНЕДЕЛЬНИК
Последнее желание

50

77

Повод для улыбки

ВАЛЕНТИН БЫКОВСКИЙ
Авторская доля

77

65

Координаты чудес

ВЛАДИМИР ГАЛУЩЕНКО
Навершие

65

Женя Понедельник

Последнее желание

1. Муссонные дожди, как всегда, приходят вовремя. В первое время люди еще носятся туда-сюда, спасая увязший в грязи скот и свежесрезанные початки кукурузы, точно они и не ожидали, что в этом году дожди тоже придут. Надеялись на чудо, наверное, но чуда, как всегда, не произошло.

В такое время к Мадейре лучше не подходить: взбешенный мутный поток, разевая свой пенящийся рот на полную мощь, вырывается за черту и поглощает стоящие на окраине дома. Кому-то, видимо, снова не повезло.

Дохлую рыбу в изобилии выносит прямо к ногам, но в период муссонных дождей к рыбе никто даже не притрагивается — говорят, мертвая рыба приносит несчастья. Я не верю, но верховный шаман говорит, что верить нужно. И я снова пытаюсь. Впрочем, безрезультатно. Хотя рыба все равно остается нетронутой.

Из Манауса уже по расписанию прибывает вертолет. Резиновые сапоги, консервы — все это государственная программа по спасению последнего белого индейского населения Южного Континента. Можно подумать, мы какой-то особо охраняемый вид животных, вроде ядовитых Рокарагуа — тварей, которые могут и весь урожай сожрать, если вовремя не вывести их с поля. И мы такие же: с одной стороны уникальные, последние, а с другой — паразиты, высасываем из рабочего населения Манауса деньги на содержание. Мы же вроде как аборигены, но это уже давно не так.

«Круглолицый Дерек» — местечко, где всегда водятся ром и заезжие бразильцы, все как один

Женя Понедельник

(Настоящее имя — Ольга Кузнецова). Родилась в самоварном городе Тула, в настоящее время живет в столице. Закончила московскую гимназию, абитуриентка. Планирует работать в сфере бизнес-информатики. Время от времени пишет детские (и не очень) книжки и тратит пленку на фотоаппарате. Мечтает о настоящей пишущей машинке.

направляющиеся на юг страны — в Монтевидео — в надежде устроиться там на какое-нибудь дряхлое суденышко.

И когда начинаются дожди, «Дерек» — самое популярное местечко, где можно спустить деньги, заработанные на поисках жемчуга. Кому-то есть на что пить, кому-то нет. Мне же вновь не везет.

По окну барабанят свой четкий ритм похожие на огромные алмазы капли. Они облепляют каждую поверхность, за которую могут зацепиться, просачиваются в любую щель. Но у «Дерека» чувствуешь себя вроде как в безопасности — только и смотри, как за окном дождь превращает поселение в огромную грязевую лужу.

Но, если не считать дождей, мы такие же, как и все остальные. Никакие не аборигены, никакие не вымирающие. Белая кожа, тонкая, как папиросная бумага, ставшая когда-то такой светлой, с крупными редкими пятнами, чем-то похожими на грязь, из-за того, что солнце слишком часто сменялось дождями и тело не успевало ни остыть, ни загореть.

Получалось что-то между, что-то неправильное. Получались такие, как я: рыбаки, которым запрещено ловить рыбу в сезон дождей. Так что для нас в Вильене возможно только два занятия: либо «Дерек», либо рыба. Когда же приходят дожди, то остается только «Дерек».

Вообще рыба — это тонкая материя со сложным запахом. И даже сейчас не думать о рыболовных сетях и опасном течении Мадейры просто невозможно, потому что запах дохлятины просачивается даже туда, куда не могут попасть дождевые капли.

Я не знаю, как он меня узнает, когда я сижу, склонившись над полупустым стаканчиком с ромом, накинув на голову капюшон от дождевика.

— Эй, Реджи!

Садится напротив меня, как будто я ему предложила присесть. Глядя на него исподлобья, я наконец понимаю, как он меня узнал.

— Клевый дождевик, — киваю.

Сама не знаю — хочу ли вложить в эту фразу сарказм или просто говорю потому, что надо что-то сказать.

— Ты сама учтивость, Реджи, — хмыкает он.

— Благодарю, Фил, — откликаюсь. Холодно, сухо. Пусть думает себе что хочет. В сезон дождей я становлюсь такой же — колючей, неприступной, точно дождь, так отчаянно долгие столетия пытающийся утопить Вильену в своих слезах.

Фил из тех промышляющих рыбой семей, где рыбу уже давно не ловят. Я слышала, его прапрадед когда-то нашел в водах Мадейры жемчужину величиной с кулак, продал ее, разбогател, и с тех пор его семья живет безбедно. Это должна быть счастливая история, но Фил почему-то не любит об этом говорить, и я частенько вижу его, расставляющего сети.

Мы не должны были быть друзьями, даже знакомыми не должны. Про таких говорят, сделаны из разного теста. Но когда-то Фил спас меня от аллигатора. Мутная история, с каждым бывает. И теперь я вроде как обязана ему. А еще не дерзить, но это уже не по моей части.

— Для старушки Реджи настало нелегкое времечко? — подмигивает.

Я снимаю капюшон, чтобы тщательнее изучить своего собеседника, хотя и так знаю его наизусть. Мокрое от дождя лицо — грязная вода быстрыми ручейками стекает по подбородку. Темный взгляд, желтый, совсем как у меня, дождевик. Так и не скажешь, что это тот самый Фил, прапрадед которого поймал жемчужину величиной с кулак.

Мы зависим от людей из большого мира. Продаем им жемчуг, сбываем экзотические — даже для них экзотические — корнеплоды и по дешевке сплавляем им рыбу, за которой не полезет ни один нормальный бразилец. В вольерах такая рыбешка не разводится, а ловить ее опасно для жизни. Аллигаторы тоже голодны и тоже хотят выживать.

Я фыркаю.

— Дожди, ты знаешь. Кто их любит? — пожимаю плечами.

— Голодна? — интересуется он. Это вполне в его духе — вот так резко сменить тему разговора.

От упоминания о еде в животе резко урчит, но я надеюсь, что он не слышит.

— Нисколько, — качаю головой.

— Как хочешь, — Фил улыбается. Значит, не поверил. — Слышала, черные откопали старое бомбоубежище? Во время революции там и наши, и ихние вместе прятались.

Я не знаю, к чему он ведет. В обычное время мне бы не было никакого дела до всяких

бомбоубежищ, но сейчас дожди — все меняется. И Реджи меняется.

Киваю. Пусть Фил продолжает.

— Выглядит как огромная черная комната.

Ни света, ничего. Одни голые черные стены. Говорят, раньше там было какое-то семейное захоронение одного из племен, так вот, останки оттуда повынимали и наспех вырыли убежище.

— Черная комната, говоришь?

— Черная, — улыбается он.

Ром остается недопитым, а дождь начинает медленно отстукивать оставшееся до окончания сезона дождей время. Кажется, осталась еще целая вечность.

2. Прежде горчичного цвета небо теперь напоминает горький пепел от костра. И те места, где раньше проглядывалось солнце, теперь, точно по швам, затянулись темными тучами.

В воздухе пахнет сыростью, грязью и еще чем-то... Посторонним.

Каждый шаг отзывается звонким хлопанием и гулким треском — это ломаются рыбные хребты. Таким, как я, тем, кто привык к резкому запаху рыбы, намного проще переносить сезон дождей — для остальных же это настоящая пытка.

Я поднимаюсь на холм. Дождь сплошной стеной затмевает знакомые очертания, а быстрые потоки Мадейры стали не чистого голубого цвета, как прежде, когда казалось, будто бы в воде отражается небо, — теперь же река стала цвета кофе с молоком. Густая жижа, захлестывающая и уносящая за собой на дно все, до чего может дотянуться.

Всего несколько дней назад, еще до того, как пришел муссон, стояла невыносимая жара. Редкий глупец хотя бы где-то очень глубоко внутри себя

не мечтал о том, чтобы на Вильену поскорее обрушились дожди. Раскаленный воздух плавился и пустил едкий, густой, удушливый дым. Дышать было нечем; мы были словно заперты в клетке, связаны по рукам и ногам, и так хотелось одного: побыстрее выбраться из этого ада.

Для кого-то это была первая засуха, и маленькие, еще совсем беспомощные тельца десятками потом свозились в одну общую могилу. Короткие имена, на скорую руку выбитые на деревянном парапете, и несколько слов-пожеланий, накарябанных теми, кто еще способен был здраво мыслить. В жизни каждого обязательно была эта первая засуха, и если ты выживаешь, то в награду получаешь долгожданную воду в виде бесконечных муссонных дождей.

Но проще не становится. Грязь. Наверху, внизу... На небе, на подошвах присланных из Манауса хрупких резиновых сапог... И разве это она? Свобода?

Из беснующейся реки в такие дни бегут даже аллигаторы: спускаются вниз по течению, чтобы отложить там яйца. Животные весь период засухи ждали дождей так же, как и мы, — слишком долго.

Вязкая почва под ногами проседает, и сапоги быстро утопают в хлоплюющей грязи. И я будто бы врастаю корнями в родные земли, впиваюсь туда, чтобы остаться там навсегда. Тонкий дождевик уже не спасает — вода заливается под плащ, обмывает лицо, скатывается внутрь резиновых сапог.

Запрокидываю голову назад, позволяя дождю свободно литься по лицу, попадать в рот, приятно щекотать шею. Такое чувство, будто сердце готово разорваться от счастья. Оттого, что вновь удалось пережить эту засуху. И дождь — это знак.

Где-то далеко в долине остается «Круглолицый Дерек». Обыкновенное домишко среди таких же — обыкновенных, но конкуренция «Дереку» не страш-

на — ведь это единственное место, где можно спокойно просидеть весь сезон дождей. Говорят, ром отлично отпугивает запах рыбы, но я знаю — я уже давно пропахла рыбой насквозь.

Мне было всего пять, когда я сказала родителям, что буду ловить жемчуг, но они лишь смеялись — думали, Реджи не умеет держать слова. Хотя меня тогда и звали даже не так.

— Джина... — с какой-то скрытой лаской в хриплом голосе бормотал отец, зажимая дымящуюся трубку с табаком между пожелтевших от дыма зубов.

Именно отец когда-то давно научил меня ловить на манго маленькую рыбку барракунду, благодаря которой большинство и выживали. В Манаусе такая рыбешка временами ценится даже больше, чем жемчуг.

Еще ребенком я пересекла вдоль и поперек все мангровые леса. С закрытыми глазами я могла наловить за час пару дюжин банановых креветок. Тогда это было игрой, но, когда я выросла, стало жизнью.

Рыболовные шуны, штормовые предупреждения. Хотелось жизни, хотелось движения. Когда умирала моя мать, я пообещала ей, что никогда не буду останавливаться, и я — Реджи — не Джина — выполняю свое обещание.

С тех пор я пытаюсь удержаться на плаву, расплачиваюсь своей свободой взамен на несколько мешков свежепойманной барракунды. И сезон дождей — единственное время, когда я вновь остаюсь одна, наедине со своими мыслями. Но это слишком опасно. Для меня — слишком опасно.

— Аллигаторов ищешь? — слышится за спиной. Затем резкий смешок. Приятный, знакомый.

— Ты что, шел за мной?

— Ну не могу же я позволить зеленому чудовищу сожрать столь прелестное существо.

— Фиил... — Стон. Иногда я безумно устаю от всей этой бессмыслицы. Хочется скорее занять руки: сетями ли, удочками, — не имеет значения. Главное — перестать думать.

Он обхватывает меня за плечи. Аккуратно, по-дружески. Мне так спокойно.

Я всегда цеплялась за людей: хваталась за плечо и оставалась так виснуть, пока мне это было удобно. Просто мне хотелось знать, что я всегда могу вновь остаться одна. Я слышала про отношения в большом мире — про отношения без каких-либо обязательств — так вот мне хотелось того же.

Я не знаю, почему я начинаю говорить. Как заезженная пластинка, я вновь говорю о том, чего никогда не будет.

— Знаешь, лучше бы дожди и не начинались. Духота все та же. Было слишком сухо, а теперь слишком влажно. Как по мне, лучше уж первое.

— А как же манго, Реджи? — смеется.

Мне тоже приходится улыбнуться. Вместе с муссом в Вильену всегда приходит и «манговое помешательство» — время, когда можешь забыть о том, кто ты есть. Дикий, густой аромат спелых плодов моментально заполняет легкие, и хочется вдыхать и вдыхать этот умопомрачительный запах. Многих этот аромат сводит с ума, но мне не помогает забыться даже манго.

— Ладно, — сдаюсь. — Беру свои слова обратно. Без манго было бы хреново.

Мы смеемся. Как раньше, когда мне голыми руками удавалось выловить из воды топчих обнявшихся барракунд. Между нами одна из рыб сразу становилась Реджи, а вторая — Филом, и потом мы сравнивали, за кого из несчастных созданий потом дали больше денег. Тогда — в засуху — это действительно было смешно, но не сейчас, когда смеяться уже не над чем.

— Еще не забыла про бомбоубежище? — шепчет он мне на ухо. Его слова легким ветерком пробиваются сквозь барабаниющие по лицу капли. — Ну, про то, где прятались во время революции?

Я поворачиваюсь. Его улыбка — Филя — странная. В период дождей мы обычно не улыбаемся. Шаман говорит, дождь — это слезы, которые проливает над нами небо. И я пытаюсь заплакать, но не выходит. Пока не выходит.

Киваю.

— Хочешь взглянуть? — подмигивает.

И, точно предупреждая меня, в этот самый момент небо разрождается огромной озлобленной молнией.

3. На мгновение мне кажется, что я вижу перед собой его старое морщинистое лицо, но идущий впереди меня Фил, похоже, не замечает этого.

Это было два года назад, но я помню все настолько четко, будто бы это произошло вчера. Один из последних засушливых дней, обмелевшая Мадейра с редкой рыбешкой. Духота стояла такая, что, казалось, вот-вот расплавишься.

На тошей шлюпке, чем-то напоминающей костлявый скелет барракунды, мы вышли в один из последних рейдов, чтобы обследовать линию вдоль морского побережья, которое в преддверии муссона, для рыб совпадавшего с брачным периодом, просто таки кишело всякой живностью. В такие дни можно было наловить столько рыбы, сколько за все месяцы засухи вместе. И была только одна проблема, только одна маленькая опасность.

Муссон мог прийти совершенно в любой момент, принес с собой грозы и смертоносный шторм. Поэтому уйдешь — не знаешь, вернешься ли.

Дорога к пирсу лежала между двумя опасно накренившимися обломками от бывшей когда-то

величественной и непоколебимой скалы. Судьба ли это — шаман говорил, судьба, — или нет, но солнце всегда вставало и садилось ровно в этой расщелине.

Но в тот день, подойдя к пирсу, я поняла, что «Ночная легенда» — так называлась шхуна Мэта — старого друга моего отца, — на которой мы обычно и выходили на так называемую «охоту» — уже снялась с якоря и отошла ярдов на десять от берега. Судно было старым и местами уже совсем износилось, но мы любили старушку «Легенду». Мой первый рейд состоялся именно на ней. Тогда она казалась мне настоящим титаном морей, но время проходило, я росла, и вместе с тем ветшала «Ночная легенда».

Не раздумывая, я с разбегу сиганула прямоком в остывшие воды ночного океана. Вода тут же залилась в глаза, в уши, но в целом ощущение было настолько приятным, неповторимым, с доброй примесью адреналина, что губы сами собой растянулись в блаженной улыбке. Тогда я старалась не думать о возможной опасности — некрупных, но все же опасных тихоокеанских акулах.

Я гребла руками как заведенная, но заветная корма все не приближалась и даже, наоборот, постепенно отдалялась. Увеличив скорость, я стала постепенно настигать уплывающую шхуну. Мотор был слабый, старый, едва бурчащий, и, наверное, только это тогда позволило мне догнать «Легенду» и без труда взобраться на борт, хотя теперь я думаю о том, что лучше бы лодка тогда уплыла без меня.

На судне никого не было: штурвал одиноко мотался из стороны в сторону под порывами сухого морского ветра. В опустившихся сумерках я едва могла разглядеть корму, заваленную всяким хламом: старыми лесками, уже не годившимися для рыбалки сетями и прочим старьем. Но самого Мэта нигде не было.

Я набрала в легкие побольше воздуха и что было сил выкрикнула его имя, но порывистый ветер тут же проглотил мой возглас. Сердце начало бешено колотиться, так быстро и так стремительно, что уши начало закладывать. Морская болезнь? Увольте. Какая болезнь остановит Реджи исполнить свое обещание?

Разрываясь между желанием осмотреть трюм и развернуть шхуну обратно к берегу, чтобы ее нечаянно не унесло в открытый океан, я все же решила сначала выполнить последнее, ибо надвигающиеся тучи не предвещали ничего хорошего. Из всего возможного времени муссон решил выбрать именно этот час.

Мне кое-как удалось стянуть паруса, со всей дури дернув за крепёжные канаты. Один канат пришлось даже держать зубами.

Первые капли дождя упали на мою кожу и с шипением начали растворяться. Чертыхнувшись, я полезла в трюм, едва удерживая равновесие.

И я нашла его там. С перерезанным горлом и одиноко устремленными куда-то в пустоту глазами. Мэт казался таким же живым и реальным, как и тогда, когда с утра мы столкнулись с ним около «Круглолицего Дерека» и он, в привычном жесте приподняв шляпу, напомнил мне, что у нас сегодня, возможно, будет последний рейд в этом сезоне. Он еще что-то говорил про осьминогов, но я плохо запомнила. Наверное, думала о чем-то своем. Единственное отличие того Мэта от этого — тоненький надрез на шее, из которого лениво вытекала уже начавшая запекаться кровь. Воротничок прежде чистой светлой льняной рубашки был насквозь пропитан бурой жидкостью.

Они — те, кто убил Мэта, — не взяли с лодки ничего — на шее старого капитана «Легенды» все еще одиноко болтался позолоченный кулон нелепой формы с выгравированными на лицевой стороне от-

рывками из старинных рукописей. И они — кто бы они ни были — просто убили его. Совершили убийство ради убийства.

Я не хотела больше смотреть на мертвое, развалившееся тело Мэта, да и морская болезнь давала о себе знать, так что я, не помня себя, выползла обратно на палубу и легла, свернувшись калачиком и вдыхая пары свежего дождя. Как долго все мы ждали этого муссона. И Мэт ждал... Святые духи, Мэт этого так ждал!..

Когда «Легенду», наконец, прибило к берегу, я услышала голоса. Были ли они реальными или же только бредом, рожденным моим воспаленным сознанием, я не знала, но думала только о том, что они, возможно, когда-нибудь придут и за мной. Просто убить.

Грудь сотрясалась от беззвучных рыданий — там будто бы образовалась огромная черная дыра, и там, где еще совсем недавно билось живое сердце, теперь была только пустота. Одиночество.

Тогда меня нашел Сол — розовощекий бармен из «Круглолицего Дерека». Позже он рассказывал мне, что его удивило, что «Легенду» вынесло на один из диких пляжей южного побережья, поэтому он и решил пойти на разведку. У Сола всегда были грубые шершавые руки, все в мозолях, и именно по этим рукам я узнала его, когда он выносил меня с лодки. Если бы не он, я не знаю, как бы я выбралась тогда.

Но его лицо — покинутое лицо Мэта — потом слишком долго преследовало меня по ночам, заставляя просыпаться в поту и с застывшим криком на губах.

И даже сейчас, уже два года спустя, мне все время кажется, что его одинокие глаза смотрят на меня откуда-то сзади.

И Фил, похоже, уже научился чувствовать меня даже на расстоянии. Неожиданно он останавливается прямо посередине тропы, ведущей с холма, и резко оборачивается в мою сторону. Бровь вопросительно изогнута, в глазах невысказанное беспокойство. Наверное, он думает, я сумасшедшая. Да, точно. Одинокая и сумасшедшая.

— Все в порядке, Реджи? — спрашивает.

Не в силах ответить на его взгляд, я молча киваю. Не хочу, чтобы он знал. Друзей ведь не посвящают в свои проблемы. Они на то и плоды воспаленного сознания, чтобы наслаждаться ими в одиночку.

Не правда ли?

4. Когда мы уже спустились с холма, дорогу нам перегораживает Сол — все такой же румяный, с вечно подергивающейся щекой и маленьким, едва заметным шрамом под правым глазом. Этот шрам более напоминает след от когтей какого-нибудь некрупного хищного животного, но отметина ни в коем случае не уродует Сола — скорее, наоборот, без шрама он бы уже не был самим собой.

Мы с Солом так и остались бы тогда просто знакомыми, если бы он не спас меня два года назад, забрав с прибитой шпормом к берегу «Легенды». Да и теперь мы не друзья, а что-то отдаленно похожее. И с Филом та же история. Но я не привыкла привязываться к людям — я привыкла лишь цепляться за людей.

Немного старше меня, Сол работает в «Круглолицем Дереве», сколько я себя помню. Теперь я уже не представляю это маленькое заведение без него.

— А, малышка Реджи, — улыбается. В сторону Фила смотрит лишь мельком, и последнему это явно не по нраву.

— Привет, — отзываюсь. Без какого-либо энтузиазма, но и не так сухо, как хотелось бы Филу, чтобы я ответила.

На Соле желтый дождевик — такой же, как на мне или на Филе, но он единственный из нас, кто не пренебрегает капюшоном. И резиновые сапоги, кажется, у него самые чистые, но в муссон чистым оставаться невозможно. Когда дожди закончатся и грязь снова высохнет, все начнется по новой. Как по замкнутому кругу.

— Отличные дожди в этом году, — как ни в чем не бывало продолжает Сол.

Даже отвратительную погоду жители Вильены любят делать темой для разговоров. Что за глупая традиция?

— Да уж. Но бывало и хуже, — встречает Фил. Его уже порядком начинает раздражать, что на него не обращают внимания. Конечно, жемчужина, пойманная его дедом, величиной с кулак, вечная слава... Он не привык жить такой жизнью, какой живем мы с Солом — от муссона до муссона, хотя и пытается. Но Фил рожден был таким. В знаменитой семье, в богатстве. Было бы глупо на его месте не быть таким, какой он есть: немного высокомерным, заносчивым и таким занудным. Его невесте я не слишком-то завидую, хотя она наверняка будет из не менее известной семьи. Может быть, это даже будет красавица Ребекка — дочь богатейшего торговца морскими раковинами — но мне до этого нет никакого дела.

Разговор между нами не клеится, и я уже не понимаю, почему бы Солу просто не уйти.

— Я тут достал бутылочку Масейского. Не хотите продегустировать? — подмигивает он. Но, даже несмотря на то, что предложение свое он делает во множественном числе, он явно не делает его Филу.

— Я бы с удовольствием, — ехидно ухмыляюсь я. Совершенно неожиданно мне захотелось поиздеваться над Филом. Какое-то совершенно садистское удовольствие.

— Я подожду тебя около мангр, — вяло произносит Фил, но я-то знаю: внутри он весь дрожит от ярости и раздражения. Он не привык, чтобы ему отказывали или чтобы его бросали.

Не произнеся больше не слова, он начинает удаляться в сторону заросшего мангровыми рощами побережья, и вскоре его силуэт и вовсе размывается дождем.

— Симпатичный мальчик, — шутливо толкает меня в плечо Сол, но сквозь дождевик это не удар — какое-то аморфное прикосновение. — Богатый, самодовольный. Эгоистичный, — прибавляет он, загибая пальцы правой руки — в левой у него поблескивает та самая его обещанная бутылка Масейского с поблекшей этикеткой. — Идеальная партия для тебя, не так ли, Реджи?

Последние его слова заставляют меня рассмеяться.

— Глупости, Сол, — отмахиваюсь. — Мы и друзья-то с ним кое-как. Да ты вообще представляешь невестой Фила собирательницу жемчуга?

Он смотрит на меня как-то слишком серьезно. Взгляд черных, на мгновение загоревшихся алым пламенем глаз заставляет меня прекратить свой смех.

— Может, спросишь об этом у самого гордеца? — выпаливает он. Хочет произнести это с сарказмом, как бы между прочим, но получается совсем не так. Как гром посреди ясного неба.

— Брось, Сол, — я пытаюсь перевести разговор в прежнее русло и небрежно подхватываю Сола под локоть. — Я не интересуюсь им в этом качестве.

Пока мы пробираемся обратно к «Дереку» сквозь непроницаемую пелену дождя, мы больше не произносим ни слова. Каждый думает о своем. Наверное, о том, что не стоило вообще заводить разговор на эту тему, а просто продолжать молотить всякую чушь насчет дождей. Это же так просто — делать вид, что тебе все по барабану. И то, что воиет тухлой рыбой, и то, что жизнь, похоже, стремительно катится в тартары.

Мы нуждаемся в этой лжи. В том, что у нас, как всегда, все хорошо и что, слава небесам, мы наконец-то дожили до этого муссона.

У входа в «Круглолицый Дерек» висит знакомая табличка, гласящая о том, чтобы мы снимали дождевики в помещении, но на эту просьбу уже давно никто не обращает внимания, и в баре — все как один — желтые спины, склонившиеся каждый над своим полупустым стаканом с ромом.

Сол размашистой походкой влетает обратно за барную стойку, и такое чувство, будто он вот так и стоял всю жизнь. Он, «Дерек», лучшее выдержанное Масейское — все это неотделимые части одного общего целого.

Розовощекий Сол — единственный, кто в этом месте следует всем правилам. Это похоже на какой-то обряд, традицию, такую правильную, неотрывную. Он аккуратно, с какой-то наигранной щепетильностью стягивает с себя плащ и вешает его на одиноко торчащий в стене толстый кривой гвоздь. И только затем он возвращается к оставленной скучать на стойке темно-бурой бутылке и, любовно окинув ее взглядом, точно она последняя красотка во всей Бразилии, начинает неторопливо ввинчивать в горлышко шило изящной откровенки с логотипом местной команды по регби.

— Я могу у тебя кое-что спросить, Реджи? — спрашивает. Внезапно, резко, но так, будто бы мы всю дорогу и не прекращали говорить.

На деле все не так просто — реальность в том, что Сол не умеет задавать уместных вопросов.

— Если ты так пожелаешь, — я склоняю голову набок.

5. — Как поживает твой отец? — спрашивает. Спокойно, рассудительно, но от его вопроса у меня холодок пробегает по спине.

В баре снова полно народу. В сезон дождей здесь, кажется, собирается вся Вильена, но мой отец уже много лет предпочитает сидеть дома. После того, как умерла мама, он вообще стал сам не свой. Но, возможно, Сол именно поэтому про него и спрашивает — потому что они давно не виделись, а не потому, почему я подумала.

— Замечательно, — нарочито улыбаюсь. Это один из тех вопросов, вроде вопросов о погоде, на который нельзя отвечать без улыбки. На самом деле никто не заставит меня признаться, что в последнее время отец стал совсем плох: ничего не ест и все время хрипит, тяжело дыша. Через несколько дней из Манауса обещают прислать врача, и я обязательно поведу его туда. Если, конечно, он доживет до этого момента — в сезон дождей и так дышать слишком тяжело.

На лице у Сола отображается крайнее недоверие, но я больше чем уверена, что он просто так от меня не отстанет, и уже начинаю жалеть о том, что не ушла с Филом на поиски его «бомбоубежища».

— Я хотел спросить другое, Реджи, — внезапно замирает Сол, и его щека внезапно начинает подергиваться.

Я позволительно киваю, хотя уже заранее знаю, что из этого не выйдет ничего хорошего.

Губами лъну к граненому тяжелому стакану с вином, но не делаю ни глотка, как будто в стакане не вино — яд.

— Как ты смотришь на то, чтобы...? — продолжает он будничным тоном, хотя я же вижу — нервничает. Слова, произнесенные им, — за чертой дозволенного. И эти слова я забываю навсегда — остается только его будничное «как ты смотришь».

Я давлюсь воздухом.

— Сол, ты с какой лианы рухнул?

— Отличное вино, не правда ли? — он делает изящный глоток из своего стакана и по-прежнему смотрит в мою сторону, но так, будто бы и не задавал своего фатального вопроса. — Помнишь, тебе было двенадцать, и мы без спросу прокрались в погреб? Стащили тогда две бутылки отборнейшего Виторского. — Смешок.

Но мне не смешно. Я помню, как Солу тогда очень сильно досталось от его отца. Целую неделю он ни с кем не разговаривал, поджимал губы и днями отлеживался в воде вдоль мангровых лесов. Тогда мне показалось, будто отец побил его — таким некачественным и пришибленным он тогда казался, но одно я знаю точно: меня он не сдал, иначе бы ныне покойный хозяин «Круглолицего Дерека» потом провел бы и со мной свою знаменитую воспитательную беседу.

— Кстати, у меня тут где-то завалялась бутылочка... — он рывком отставляет стакан в сторону, как будто вино в нем — полнейшая гадость, и наклоняется куда-то за стойку в поисках обещанной бутылки.

Но я хватаю его за плечо.

— Сол, — произношу твердо.

Сердце бешено колотится, и в затылке пульсирует кровь.

Он выпрямляется и смотрит на меня с легким удивлением, но щека больше не дергается, точно он знал, что я обязательно произнесу это вслух.

— Тогда... когда мы стащили две бутылки, отец тебя бил?

Он наклоняется ко мне, к самому уху, и медленно, выжидаяще замирает, чтобы услышать, как громко бьется мое сердце — даже громче, чем плюхаются на крышу частые капли дождя. Он говорит шепотом, самым тихим, самым страшным шепотом. Так, что дыхание перехватывает.

— Хочешь посмотреть, что старый дурак со мной сделал? — он издает нервный смешок, неприятно щекоча мое ухо.

Затем без предупреждения он хватает меня за локти и заставляет мои руки прикоснуться к его коже живота под рубашкой. Сначала я чувствую лишь тепло его тела, но затем натыкаюсь на что-то бугристое... На ощупь похоже на шрам, но очень большой. Очень и очень большой. От каждого моего прикосновения Сол вздрагивает — не от боли, не то от удовольствия — а может, и от того, и от другого одновременно.

— Ч-что это, Сол? — заикаясь, спрашиваю. Но тон больше похож на отчаянную мольбу.

— Это моя метка в знак того, что я поступил неправильно, — растяжимо медленно, издевательски отвечает он, но в его голосе смеха нет — одна жестокая горечь разочарования. Во мне, в своем отце, во всем мире, в муссоне, который, точно волшебный магнит, притягивает к его бару столько народу.

— Ты должен был мне рассказать... — начинаю, но он останавливает меня и одним резким движением затыкает ладонью мне рот.

Тогда, когда мы пробрались в погреб к его отцу, мы не были друзьями, но в муссон уже не разби-

раешь, кто твой друг, а кто так, знакомый. Да, мы знали друг друга — в Вильене вообще все друг друга знают — поселение-то всего в две тысячи человек. Но я и подумать не могла...

Внезапно мне становится стыдно. Отвратительное, гадкое чувство, которое змеей сомнений прокрадывается в самое сердце. И осознание того, что из-за меня ему так досталось, в то время как я прохлаждалась на ферме отца, причиняет невыносимую боль где-то в области совести. Было бы по-другому, если бы два года назад он не спас мне жизнь, забрав мое обмякшее тело с разбитой «Легенды».

— И что бы это изменило, Реджи? — усмехается он кисло-горькой полуусмешкой. — И потом, я бы не хотел, чтобы еще хоть кто-нибудь испытал такую боль, какую испытал я. Такая боль не забывается — она потом преследует тебя всю свою жизнь. В кошмарах. Тебе часто снятся кошмары?

Я замираю. С его ладонью на моих губах. В глазах стоят слезы, точно это случайно попавшие на лицо капельки дождя. Но внутри себя я уже не могу понять: жалею ли я, что пошла вслед за Солом?

Я почти плачу, почти сливаюсь с этим беснующимся за окном муссоном. Сердце болезненно стучится об ребра, а дышать уже нечем. Кислород перекрыли, и я задыхаюсь.

И единственное, чего я никогда не скажу ему, так это то, что где-то там, на моей спине, сейчас багровеет след от свежего ожога. Но в чем-то Сол прав: это боль, которую невозможно забыть.

б. Я нахожу его стоящего по колено в мутной стоячей воде, в самой гуще мангровых лесов. Руки сложены на груди, подбородок вздернут к самому небу, туда, откуда на нас изливаются эти непрерывные дождевые потоки. И я чувствую себя по крайней мере предатель-

ницей, по большей — мне по-настоящему стыдно. Как я могла променять Фила на бутылку какого-то третьего сорта вина? Чего я хотела этим добиться?

— Я настоящая неудачница, Фил, — шепчу. Это что-то отдаленно, слишком отдаленно похожее на извинение.

Не отвечает.

Я же просто встаю с ним рядом, в обжигающе холодную воду, но когда льется со всех сторон, то это маленькое неудобство перестает иметь какое-либо значение.

Даже несмотря на то, что сейчас он на меня дует, я не слишком сильно переживаю из-за этого. В нашей жизни не может быть вторых шансов и третьих попыток — все происходит само собой. Шаман говорит, это судьба. И мы должны в это верить.

Фил на ощупь находит мою ладонь и сжимает ее в своей. Насквозь мокрые от дождя, мы цепляемся друг за друга. И всегда цеплялись.

— Знаешь, иногда мне кажется, что я слышу, как ты кричишь, захлебываешься, пытаешься позвать на помощь. Я до сих пор вижу перед глазами открытую пасть аллигатора и твои обреченные глаза. Если тебе тогда суждено было выжить, Реджи, то ты определенно не неудачница.

Это его откровение отчасти поражает меня: прежде я никогда не думала, что такие, как Фил, вообще обладают какими-либо страхами.

Задумавшись, я начинаю разглядывать прыгающих по поверхности воды водомеров. С длинными лапками и тощими, едва заметными тельцами, они, кажется, слишком долго ждали этого муссона.

— А как же убежище? — интересуюсь. Не то чтобы я горю желанием поглядеть на варварски разграбленное захоронение, в котором потом еще и прятались государственные преступники, но все же.

— Я не думаю, что там что-либо интересное, — отмахивается.

Остаток дня мы проводим на пустующем в период дождей рыбном рынке. В обычное время тут и яблоку негде упасть, но сейчас рынок скорее напоминает заброшенную площадь из мелких, накренившихся в разные стороны, насквозь промокших деревянных лавчонок. Когда я была ребенком, я проводила здесь сутки напролет, воображая, что я — владелица огромного рыбного базара. Несколько мелких креветок, две-три не годящихся ни в пищу, ни на продажу рыбешки — вот и все, чем в реальности ограничивался мой вымышленный рынок. Но торговля процветала — это я помню точно.

Забившись под первый попавшийся прилавок и поджав к подбородку колени, мы как ни в чем не бывало начинаем обмениваться последними сплетнями, большинство из которых — всего лишь наши глупые выдумки. Но в муссон надо же себя чем-то занять.

Я рассказываю о том, что, когда удастся накопить достаточное количество денег, я перееду в Манаус и буду жить там вместе с настоящими черными людьми; что у меня там будет своя лавочка в самом лучшем месте местного рынка — в любом городе должен быть свой рыбный рынок, ведь так?

Фил же на эти мои заявления только заразительно ухмыляется, и отчасти это меня задевает. Думает, я не смогу? Думает, Реджи не умеет держать обещания?

Во время дождей солнце садится рано, и за разговорами мы даже не замечаем, как темнеет, и когда настает пора возвращаться обратно в поселок, то мы на секунду замираем, стукнувшись лбами в попытке вылезти из-под лавки первым. Это старый детский спор, глупая забава. И удивляюсь, как после столь-

ких лет стуканья лбами у меня еще не появился огромный синяк.

Но этот раз — другой.

Он замирает, замираю и я. Между нами беспроеветная стена дождя, и это единственное, что нас останавливает.

Фил красивый. Прежде я об этом не думала, в голову даже не приходило. Он не такой худощавый, как Сол, с темными, горящими в ночи глазами и немного грубоватыми чертами лица. У меня же желтый дождевик закрывает пол-лица, но я надеюсь, что сейчас он не думает о том же, о чем и я — не изучает мое лицо.

Он в раздумьях кусает губу — подбирает слова, но не находит верных. Теперь я отчасти понимаю, почему так хотела позлить его сегодня, уйдя с розовощеким Солом. Мне просто хотелось показать ему, что я чего-то стою. Одна. Без Фила.

Тишина нарушается монотонным стуком дождевых капель, но мне начинает казаться, что я думаю слишком громко, что в воздухе так и стоят так и не высказанные мною слова.

Прежде я никогда не выигрывала. Обычная жизнь, тело, насквозь пропахшее рыбой. Вся моя жизнь сплошь состояла из одних поражений, но раньше меня это как-то устраивало. Сейчас — я борюсь не сколько с Филом, с неидентифицируемыми нахлынувшими эмоциями — я борюсь сама с собой.

Сердце бьется слишком громко, и я боюсь, что Фил услышит.

Но едва его горячие губы накрывают мои — холодные — все пропадает. Реальность куда-то ускользает, и перед широко открытыми глазами стоит только тьма. Я хочу, я пытаюсь вернуться, но мои ладони нащупывают в темноте только гладкую поверхность незнакомых стен.

А затем мой острый слух улавливает, как в тишине раздается легкий треск. Сначала аккуратный, еле различимый, а затем звук усиливается, и я понимаю, что стены начинают рушиться.

И в этой пустой комнате меня не стало.

7. Свет зажигается мгновенно. Лучи едкого, пригорного цвета прожектора падают на лицо, на тело, прожигая дыры на том месте, где заканчивается мое зазывающе блестящее в темноте платье. По спине бежит легкая дрожь, и в этот момент я особенно четко чувствую присутствие шрама под правой лопаткой.

В нервном предвкушении я оглядываю импровизированный зал. Публика, конечно, отличается от аудитории, обыкновенно заседающей в «Круглолицем Дереве». Женщины здесь все как на подбор: ослепляющие своей красотой платья, высокие прически, внимательные выражения лиц. Мужчины же в аккуратных костюмах, выглаженных рубашках. Специально, чтобы послушать меня, они на несколько секунд отложили в стороны свои сигары.

И воздух здесь другой. Пахнет не ромом, а ароматными пушицами и цветочными ароматами расставленных в вазах по всему залу белоснежных лилий.

Среди всего этого великолепия, облаченная в усеянное мерцающими блестками платье, я чувствую себя немного не в своей тарелке, но беспокойство уходит в тот момент, когда сидящий позади меня на высокой табуретке Сид впервые трогает смычком струны огромного контрабаса. Затем к нему подключается коротышка Винс, как мы зовем гитаристку Винни за ее небольшой рост. И последний — Терри — на своем допотопном пианино.

Я пою о том, каково это, когда приходит Муссон, когда река становится цвета кофе с молоком, когда все собираются в «Круглолицем Дереве»

и пьют свой излюбленный ром. О том, как проезжие бразильцы рассказывают свои байки о том, какая беззаботная жизнь ожидает их, когда они, наконец, попадут в Монтевидео, и мы слушаем их и где-то глубоко внутри завидуем тому, что они не привыкли сдаваться. Я пою о желтых дождевиках и хрупких резиновых сапогах.

О черной-черной комнате, в которую мне уже не вернуться.

И пусть Вильена лежит в нескольких тысячах миль отсюда, я никогда не забуду этот заброшенный бункер и ту Реджи, которая провела там, задыхаясь, несколько бесконечных часов. С тех пор я три раза была на могиле у Мэта и ни разу — у моего ненастоящего отца. Он поплатился, и довольно об этом. Как там шаман говорил? Судьба?

Я не замечаю, как пролетает время, и песня постепенно угасает, но за эти несколько быстротечных секунд я будто бы снова оказываюсь в своем старом теле, одна, ночью, на причале, под потоками усилившегося ливня. Желтый дождевик забыт где-то на скалах — там, куда я уже никогда не вернусь, и я кутаюсь лишь в тонкую льняную рубашу, которая мне явно не по размеру.

Крик сошедших с ума птиц ножом разрезает ночной влажный воздух, и беснующиеся волны, кажется, так и накинутся на тебя, чтобы проглотить.

Берег сплошь усеян стухшими рыбными тушами, но запах для меня не имеет никакого значения. Среди всего этого рыбного разнообразия я улавливаю нечто постороннее: знакомый горьковатый аромат дымящегося табака. И это протяжное Джина звучит в моей голове прежде, чем я слышу его на самом деле.

— Джина. — И в нос резко ударяет дымное облако, точно туман.

Он знает, где меня найти. Шаман говорит, мы связаны, потому что в моем теле течет его кровь, но я не знаю. Мне почему-то кажется, что это не так.

— Скучаешь по морю? — спрашивает.

Легкий кивок.

— Когда приходит муссон, чувствую себя бесполезной, ненужной. Рыба повсюду, но такая рыба уже никому не нужна. Я как этот желтый дождевик — нужна только на шесть месяцев в году, а потом отправляюсь пылиться в шкаф.

— Я знаю, Джина. Когда-то давно я тоже почувствовал себя бесполезным, — бормочет.

Поворачиваюсь в его сторону. Он такой же: недельная щетина (в дожди никто не бреется), зажатая между зубов дымящаяся трубка и серые, почти бесцветные глаза, которые, кажется, поглощают каждую каплю этого беспокойного дождя. И я завидую ему. Что ему так спокойно.

— Может, расскажешь? — шепчу.

Иногда мне кажется, что мой отец прожил не одну, а целую сотню жизней. У него всегда остаются какие-то камни в карманах, новые истории, новые откровения. Но я не знаю о том, что своим вопросом только приближаю то, что должно будет случиться.

— Когда я женился на твоей матери, Джина, — храни ее небо — она уже была беременна. Но не от меня. Но я решил, что должен быть сильным и не сломаюсь из-за какого-то там ребенка.

Из уст отца, человека, открывшего для меня этот мир, «какой-то там ребенок» звучит как приговор. И тогда я понимаю, что совершенно его не знаю.

— Потом родилась ты, — усмехается. Но усмешка горькая и отчасти издевательская. — Долгие годы я терпел, Джина, притворялся любящим отцом, но все ради нее, ради твоей матери. Ты помнишь, как она умерла, Джина?

Я помню. Какие-то парни нашли ее бездыханное тело на одном из восточных пляжей. Говорили, она вышла, чтобы собрать мидий и, возможно, оступилась. Но на деле мне было стыдно за то, что человек — самый близкий мне человек — посмел умереть столь обьденной смертью. И тогда, еще совсем ребенком, я решила, что сама буду выбирать, какой смертью умирать мне.

Он понимает все без слов. Продолжает говорить, но точно не мне, а самому себе, дождю, в пустоту. Кому угодно.

— Это я убил ее, Джина.

— Нет!.. — хриплый крик вырывается из моего пересохшего горла.

Слезь, смешиваясь с дождем, стекают по подбородку, и я мотаю головой из стороны в сторону, точно китайский болванчик, потому что не хочу в это верить. Голова идет кругом. Я теряюсь во времени, в пространстве, будто бы получила чем-то тяжелым по голове. И в этом мире я держусь из последних сил.

— Пойдем, Джина, — он берет меня за руку. — Потом будет по-другому. Потом все будет хорошо.

И его обещания; обещания из уст человека, который только что признался мне в том, что убил мою мать, звучат так обнадеживающе, так умиротворяюще, что я повинуюсь и покорно иду следом за ним.

Мы оказываемся в самой чаще густого тропического леса, утонувшего под толстым, густым, вязким слоем грязи. Волосы падают на глаза, липнут к щекам, но я не смотрю, куда мы идем, и даже не пытаюсь запомнить дорогу. По сравнению с другим, все это фигня. По сравнению с тем, что он убил мою мать, это фигня.

Он — не мой отец — заходит в кашле. Он всегда был таким спокойным, даже немного хрупким,

со своей перешедшей уже всякие границы астмой, зажавшимся в своей раковине, в своем мире. Никогда, я бы никогда не подумала, что он способен...

Но сейчас я не узнаю этого мужчину. Рыжие руки, когда-то бывшие невероятно сильными, рывком распахивают какую-то заржавелую дверь, скрытую под слоем лиан. Он заталкивает меня внутрь и закрывает за собой дверь, отрезает меня от мира, от света.

Спустя мгновение по всему периметру бункера — я узнаю его почти сразу — зажигаются газовые фонари, и в приглушенном свете я четко различаю хищные глаза отца. Нет, не отца. Человека, который, я думала, был моим отцом.

— Ты сама можешь выбрать, Джина, — шепчет. — Что ты пожелаешь?

Одну свою ладонь он недвусмысленно помещает на тяжелую, железную пряжку ремня, а вторую непринужденно кладет на какой-то странный предмет, но я узнаю. Такими щипцами отец когда-то клеймил коров.

И я одна. Никто меня не услышит, если я буду кричать, никто не придет мне на помощь. Я обречена.

Но у меня остается одна-единственная возможность. Возможность выбора. Мое последнее желание. (Мое смертельное желание.)

Пожалуйста, небо, просто дай мне умереть.

— Это вы Реджина Кинг? Та самая Реджина Кинг?

Тощая рыжеволосая девушка с всклокоченными волосами и застывшими, впитавшимися в кожу синяками под глазами несмело прикасается к моему плечу. Она кажется маленькой, неуклюжей, точно только что вылупившийся птенец.

Супермаркет на Санта-Роса авеню в самом центре Манауса. Пять часов утра.

Я смущенно улыбаюсь и думаю, что сейчас она начнет меня расспрашивать о том же, о чем и все, задавать стандартные вопросы и получать на них предсказуемые ответы. Я не могу отказать.

Но она произносит нечто другое:

— Скажите, это правда, что вы три дня провели одна в бункере времен революции? Правда, что вас там запер собственный отец?

Из моих рук падает коробка с имбирным печеньем, и я тут же наклоняюсь, чтобы поднять ее.

Но девушка ждет. Ждет, что я ей отвечу.

Ей не достаточно моего молчания, того, что мне становится трудно дышать.

— Мисс Кинг четыре месяца пролежала в коме, милочка, — позади меня появляется Фил. Он, как всегда, рядом, и мне, как всегда, просто спокойно. Его рука ложится мне на плечо, и я прижимаюсь к его теплomu, такому родному телу, но дрожь все никак не проходит. — Это слишком старая история, чтобы вновь к ней возвращаться.

Ресторанчик на Барра пласа. Двенадцать дня. Часы идут слишком ровно, слишком правильно и... снова слишком медленно.

Фил сидит напротив.

— Что будете, сэр? — появляется худощавый официант и, наклонившись так низко, будто он и вовсе глухой, готовится принимать заказ.

— Пожалуй, Масейского восемьдесят третьего, если у вас найдется, — лениво тянет Фил, и я вздрагиваю.

— А вы, мадемуазель?

— Ничего.

Когда официант удаляется, я решаюсь. Голос дрожит, руки нервно теребят салфетку. Я пытаюсь убедить себя, что готова услышать то, что слышать не могу.

— Фил, та девушка в супермаркете... — начинаю.

— Забудь, Реджи, — останавливает. Резко, властно. И все в нем так и взывает о том, чтобы ему подчинились: костюм темно-сливового цвета — три тысячи долларов, — тщательно зачесанные назад волосы — личный стилист — тридцать долларов за утренний туалет. И, даже переехав в Манаус, Фил так и остается самим собой — чем-то высоким, недостижимым.

— Подожди, я не договорила, — я стараюсь быть твердой. В голосе сталь.

Он замирает, я замираю. За окном слышатся первые постукивания несмелых дождевых капель. Обычный летний дождь. Я пытаюсь убедить себя, что это обычный летний дождь.

— Расскажи. Мне. Правду.

— Ты правда ничего не помнишь? — он поднимает бровь.

Я помню. Конечно, я помню, Фил.

— Ничего.

Вздыхает.

— В тот вечер ты решила найти бомбоубежище без меня. Отправилась в лес, никого не предупредив, а когда забралась в бункер, то неожиданно рухнул потолок. Три дня мы все вместе искали тебя, а когда нашли, то тебя отправили на вертолете сюда, в Манаус. Я не знаю, как тебе удалось выжить, Реджи, правда не знаю.

— Прости, Фил, — выдавливаю. — Мне пора. Сегодня еще репетиция. Я обещала ребятам начать пораньше.

За окном усиливается дождь, превращаясь в настоящий летний ливень, и, выйдя из «Понта-Парана» — самого дорогого ресторана во всей Бразилии и подняв воротник плаща, я растворяюсь в толпе. ☒

Владимир Галущенко

Навершие

*Посвящается моему другу,
янтарному мастеру Сергее Куташову.*

Если за зло платить добром —
чем тогда платить за добро?

Святой Мафусаил

Явление 1-е

Алмазный круг блеснул и радужно переливался. Над ним веером павлиньего хвоста сверкали алмазные сверла. Серега уже третий год смотрел на этот круг.

И каждый раз смотрины заканчивались одной и той же мыслью: «Ничего, вот еще немного подзаработаю, и ты будешь мой».

Цена чудного набора ошеломляла. Пятьсот евро! За такие деньги можно купить двести обычных дисков. Серега вздохнул и протянул кассиру мятые бумажки.

— За пять дисков и два сверла...

Стоило ему выйти, тут же начался мелкий холодный дождь. И так всегда, стоит только забыть зонт. Даже в ясный солнечный день! Струи зло хлестали по лицу. «Нет, ну почему именно мне, и так больно...», — пришла в голову известная фраза из кинофильма. Он заскочил в первую же открытую дверь. Это оказался книжный магазин. Можно и здесь переждать. Серега подошел к полке и с видом заинтересованного покупателя взял первую попавшуюся книгу. «Легенды и мифы библейского мира». Интересно. Он раскрыл посередине.

«Святой Петр стоял перед длинной чередой кающихся на пушистом снежно-белом облаке. Чуть

Галущенко Владимир Алексеевич

Родился 15 августа 1951 г. В 1972 г. закончил Качинское авиационное училище, как летчик-инструктор обучал русских и иностранных курсантов, после Академии им. Гагарина — преподавал в Каче. В настоящее время на пенсии. Проживает в рабочем поселке Елань Волгоградской области.

Писать начал в 1980 году, сначала мемуары, потом повести, рассказы, миниатюры, детективы. Любимые жанры — новелла и детектив. Участвовал и побеждал во многих литконкурсах.

выше головы Святого Петра светилось радужное переливающееся кольцо. Это и были врата в рай.

— Протяни руку, сын мой! — гремел голос Святого Петра. Очередная душа подходила и протягивала к нему руку. Святой Петр поднимал свой посох с сияющим желтым камнем в навершии и касался им руки кающегося. Если велики были грехи, то кающийся каменел и проваливался сквозь облако в преисподнюю. Если была душа безгрешна, то возносилась вверх сквозь райские врата. И вот однажды Властелин Ада решил, что слишком много Святой Петр своим солнечным камнем направляет душ в рай. Он послал Князя Зла под личиной кающейся души, чтобы тот вырвал камень из посоха. Тогда души не будут возноситься и все попадут в Ад».

Шум дождя за окном стих. Серега закрыл книгу и направился к кассе.

Акт первый. Сделка.

Колян-Водолаз в понедельник как всегда заявился первым. Грохнул брезентовый мокрый рюкзак об пол.

— Все возьмешь? — хотя говорил Колян в сторону, но запах свежеприпятой сивухи тут же разнесся по комнате.

— Давай показывай, — Колян мигом вывалил содержимое рюкзака на стол. Камешки у него всегда были отборные.

— Серега, простыл я опять. Вода прям как лед. Слышь, как хрипло? У тебя ничего для сугреву нет? Очень надо полечиться!

Сергей пододвинул ему стакан горячего чая.

— Ну, старик, ты меня не понял, да? Я тебе говорю — полечиться мне надо! — Колян звонко щелкнул по шее. Серега молча перебирал и клал на чашу весов куски необработанного янтаря.

— А деревяшку ты нахрена мне подсовываешь? — Серега вытащил из кучи тяжеленный черный кусок.

— Там смотри сбоку. Там большой кусмище сбоку!

— Так отделил бы!

— Серега, у меня не ресторан. Это в ресторане борщ отдельно, мухи отдельно. У меня все вместе. Или берешь куском — или не берешь. Другие возьмут.

Серега взвесил на руке черный кусок.

— Да тут одного дерева рублей на пятьсот! Ломай давай.

— У меня не ресто...

— Ну, ладно, давай, — кусок янтаря на деревяшке, действительно, был грамм на триста.

Акт второй. Через три дня.

Интересно, а если вот так просто лежать на кровати и смотреть в потолок, неприятности кончатся? На Серегу наехала очередная черная полоса. Длилась она без перерыва уже третий день. А началась с прихода Коляна-Водолаза. Нет, это не прозвище. Он действительно служил в старые добрые времена водолазом на Балтфлоте. Об этом напоминает его мятая бес-

kozyрка, правда уже без ленточек. Да и чаще всего служит она ему не головным убором, а носовым платком.

Серега повернул голову и взглянул на бутылку газировки рядом с кроватью. Так и есть! Внутри, игриво подрагивая крылышками, плавали три жирные черные мухи. Пробка лежала на полу. А что еще можно ожидать в черную полосу? Серега огорченно махнул рукой и больно ударился локтем о край кровати. До радужных искорок в глазах. Нет, лучше вообще не двигаться.

Интересно, а думать можно? Или и от этого что-нибудь случится?

Так, с чего началось? Ага, сразу же после ухода Коляна начался потоп в зале. Грязные вонючие струи текли сплошью на белоснежную скатерть на столе и далее расплзались причудливыми разводами по мохнатому бежевому любимому ковру. У соседей наверху потолка не было. Рванула канализационная труба точно напротив его потолочного перекрытия. Теперь верхние четыре этажа безостановочно сливали свои нечистоты на его самые любимые вещи. Пока он бегал по этажам с просьбой временно испражняться в ведро, к нечистотам добавилась мыльная вода из ванной. К тому же где-то в мокрых стенах пробил проводка. Это Серега определил сразу, сунув неосторожно ногу через порог собственной квартиры в мутный поток. Шибануло током так, что катился по лестнице до выхода из подъезда. Теперь пришлось обесточить весь дом. К вечеру жильцы его просто ненавидели. В собственную квартиру он смог попасть только в полночь. До утра выгребал четырехэтажные нечистоты. Бедная такса Аська, получившая свою порцию разрядов, так и осталась ночевать на лестничной площадке.

Только на второй день удалось навести в комнатах относительный порядок. Ни о какой работе Серега даже и подумать не мог. Возвращаясь с очередного похода к мусорному баку, остановился забрать газету. Из почтового ящика вывалилась куча квитанций. Бог мой, чего там только не было! И налоги за все прошлые годы, штрафы

от всех организаций города, судебные повестки и требования срочно явиться в милицию. Не было только газеты.

Он со вздохом бросил ворох бумаг на осиротевший без скатерти стол рядом с кучей купленного накануне ягтяря. «Надо бы хоть рассортировать, что ли...» — мелькнула мыслишка, тут же прерванная трелью сразу трех телефонов. Двух сотовых и одного домашнего. Беспеременно звонили до самого вечера. И по поводу, и без повода, и знакомые, и даже детские голоса, упорно называвшие его папой. Только к вечеру он присел на диван. Звонки моментально прекратились. Он встал. Тут же в прихожей затренькало. Он сел. Тишина. Так, значит надо спать.

Проснулся он глубокой ночью от ощущения неясного страха. По стенам бегали разноцветные блики от неисправной рекламы соседнего магазина. Он так и заснул не раздеваясь. Откуда же ощущение страха? Серега покрутил головой. Вроде все в порядке, если не считать зловонный аромат чужих нечистот и помойные разводы на потолке.

Он полежал несколько минут. Сон ушел окончательно. Страх нарастал. И тут он понял, где источник этого страха. Боковым зрением он уловил медленно движущееся мохнатое пятно на противоположной стене. Сначала он его принял за пятно от рекламы. Но теперь ясно увидел, что это движется нечто живое. Он поднял руку и дернул шнур бра. Яркая вспышка и треск лопнувшей лампочки. На голову посыпались мелкие осколки стекла. «Ах, да, чуть не забыл, у меня же черная полоса», — он нащупал кнопку ночника на прикроватной тумбочке. Тот, слава богу, окрасил комнату зеленоватым светом.

То, что Серега увидел на стене, заставило сжаться его внутренности в маленький клубок, а потом покрыться морозной корочкой. По стене вниз медленно ползла самка паука-птицееда размером с большую тарелку. То, что это самка, было видно по облепившим ее сотням копошащихся детенышей.

Серега с детства смертельно боялся пауков, даже малюсеньких, а тут такой монстр! «Черт, черт, черт!» — мысли заклинило. Такое же страшиле он видел в террариуме у соседа с пятого этажа. Но как же оно попало к нему? Цветочный горшок! Точно! Выше висел большой цветочный горшок с огромной зеленой шапкой мелких листочков. Значит, это чудище уже давно жило в горшке и даже успело вывести приплод! Целый год он жил в одной комнате с этим мохнатым монстром! Серега физически почувствовал, как зашевелились волосы на голове. Нужно что-то делать!

Но все мышцы сковал ужас. «Убить!!!!» — прорвался вопль в какой-то обезумевшей извилине. Легко сказать — убить! Как, если даже вздохнуть страшно? Тем временем, мелко семена огромными мохнатыми ножищами, самка успешно слезла со стены и теперь двигалась по скользкому паркету. Кое-как отмытый в ванной ковер просыхал на лоджии.

Серега мысленно прочертил линию пути паучихи. Она упиралась в его голову! Теперь «УБИТЬ!!!» вопили все извилины не только мозга, но и кишок. ЧЕМ??? В голове мелькали только образцы орудий убийства от царь-пушки до баллистической ракеты. Ничего подобного у Сереги под рукой, к несчастью, не было. Образ огромного ядра от пушки в его голове медленно трансформировался в кастрюлю. ПОЧЕМУ КАСТРЮЛЯ??? Ответа пока в голове не было.

Паучиха тем временем уверенно тащила шевелящуюся кучу паучат к его изголовью. Представив, как они будут копошиться в его волосах, Серега нервно вскочил и опрометью бросился на кухню. «Так, если ударить кастрюлей, убить всех сразу не удастся. Жить же с таким ужасом по всем щелям квартиры — лучше сразу удавиться! НАКРЫТЬ!!!» — наконец-то исстрадавшийся мозг выдал единственно верное пока решение. С ка-

стриулей наперевес он метнулся в спальню. Паучиха уже почти доползла до изголовья кровати.

— Получай, тварь! — кастрюля с треском закрыла от глаз жуткое зрелище. Стало немного легче. По крайней мере, морозная корочка в животе растопилась, хотя комок внутри еще ощущался.

Через полчаса Серега поймал себя на радостном смаковании второго рождения и любовании красотою жизни. Даже несмотря на зловоние — жизнь была прекрасна! Выжить и победить кошмарного троплодита — разве это не чудо?

Конечно, чудо, но с этим динозавром надо было еще что-то делать. Он ведь пока жив и ждет удобного момента для смертельной атаки! Как от него окончательно избавиться? Застрелить! Но чем? Кроме рогатки племянника на балконе, ничего более огнестрельного в доме не было. Думай, голова, думай! Черт, опять в голове замелькали арбалеты, луки и стрелы. Нет, надо что-то более современное. Так, чем там забавлялась инквизиция, поднаторевшая в борьбе с ведьмами и ведьмаками? Огонь, вода и... медные трубы! Черт, при чем здесь медные трубы? Не мозги, а одни опилки! Вон, даже в висках покалывает.

Огонь — да! СЖЕЧЬ! Вода? Вряд ли удастся утопить эту бабищу с детищами. Где-то он читал, что пауки по часу могут жить под водой. Если огонь, то как? Сделать дырочку в дне кастрюли, вылить туда весь флакон бензина от зажигалки и поджечь! Нет. Без воздуха гореть не будет. Надо поднимать кастрюлю. Представив, как разбегаются по комнате сотни огненных пауков, Серега непроизвольно икнул. Только не это!

Гангстеры, знавшие толк в убийствах, заливали свои жертвы цементом! Сделать жидкий цемент и залить через дырочку! Да, и сутки ждать, пока он застынет. А если клеем? Тот в такой массе вообще не будет застывать. А если эпоксидка? Где-то была упаковка. Нет, не хватит.

ПЕНА! Строительная пена! У него же с весны лежат целых два баллона. Собирался заделать щели на лоджии, да так и забыл. И слава богу, что забыл! Серега побежал за ручной дрелью. Хватило одного баллона. Пена аж поперла во все щели. Еле удержал кастрюлю. Через три минуты все было кончено. Серега упаковал кастрюлю с пено-пауками в мусорный мешок, туда же для гарантии бросил все три оставшиеся цветочные горшки. Он даже смотреть на них теперь не сможет, а не то что поливать!

Остаток ночи пришлось провести на лоджии, так как все щели в доме Серега обработал для гарантии дихлофосом. От ароматов в его квартире все французские парфюмеры моментально бы передохли от счастья. Таких запахов в природе не существовало вообще! Разве что одеколон «Вот солдаты идут!»

Утром его раздерганные нервы застонали от длинного дверного звонка. Дверь на цепочке Серега открывал по миллиметру. Расстроенное воображение рисовало то цепочку прибежавших из мусорного бака пауков, то спящую пасть динозавра. Но это была теща с двумя огромными чемоданами.

— Мама, ну что вы, ей-богу, ездите и ездите? Я же звонил Вам, что мы с Нюрой разводимся. Видите, ее нет дома! Она уже два месяца живет у своего нового хахаля!

Теща молча затаскивала чемоданы в прихожую. Сев на один из них, суетливо завертела носом.

— Сереженька, сынок, ты бы сменил одеколон, сколько раз я тебе хороший привозила. Я вот тут тебе разносоллов свеженьких привезла, яблочек, огурчиков. Знаю, что любишь! А Нюрка вернется. Как была душой, так и осталась. Я, Сереженька, пока вы не помиритесь, у тебя поживу.

«Господи, радость-то какая! Вот только тебя мне и не хватало с твоими огурчиками!» — чуть не ляпнул вконец расстроенный Сергей. Хотя тещу он уважал намного больше жены. Была она крепка деревенским умом и житейской мудростью. Жаль, дочка не в нее пошла!

— Мама, это запах не от одеколона, — терпеливо начал объяснять Серега, — Это вчера прорвало канализацию.

— Это что, сраньем тебя чужим залило? А я тебе и тот раз говорила — в доме сруть только чукчи бес-толковые! А люди нормальные ходят в нужник. Вон у вас же стоит во дворе. Сама прошлый раз нашла.

— Мама, я же и тогда вам говорил, это не нужник, это трансформаторная будка.

— И я говорю, что будка. Очень подходящая. Пойду, чаек поставлю. Самовар так и не купил?

Акт третий. Половое прозрение

После тещи приехал бывший тесть из Таганрога. Потом племянница с Кубани. Сказала, что будет ходить на подготовительные курсы и пока поживет у него. Тесть уже разложил раскладушку на любимой лоджии и туда же перетащил единственный телевизор из зала. Видно, устраивался надолго. Причину приезда объяснил довольно туманно: «Ну их всех, Сереженька! Решил вот у тебя душой отдохнуть!».

Душой ладно, Серега против души не возражал, но зачем вместе с душой он еще и тело припер? Кровать заняла теща, диван — племянница. Сереге оставался только сложенный вчетверо нехорошо пахнущий ковер. Подушек на всех не хватило. Всю постель Нюрка уперла к хахалю. Вместе со сберкнижкой. На что кормить теперь всю эту ораву, Сергей не представлял. В тещиных чемоданах нашлась исключительно хрустящая закуска и варенье.

«Надо бы хоть пару бус сделать, да продать», — мелькнула сиротливая мысль. Серега бросил взгляд на кучу необработанного янтаря на столе. Но когда? Три дня как белка в колесе! Даже ночью! «Нет, все! Вот сейчас пошлю племянницу с тещей за продуктами и сяду за станок!» — тут же раздался звонок. «Алло, это баня? Срочно позвоните моему жену!» — Серега чуть не грохнул телефон об пол.

Он прилег на влажный ковер. Вместо подушки свернул старую дубленку первой жены. Вот, а хотел выкинуть! Пригодилась же. Звонков больше не было. «Странно все это! Почему не проходит черная полоса? Так плохо не было уже давно. И почему на него начинает валиться череда неприятностей, как только он подумает о работе?» — тут же в кармане тренькнул телефон и замолк. — Вот! Мистика!»

Через час, разослав по делам всех родственников, отключив дверной звонок, домашний и сотовые телефоны, Серега подошел к столу. Раздался ожесточенный стук в дверь. Так стучат только в случае войны или соседка за солью. Вернулся тесть.

Улегшись на лоджии, он тут же на полную громкость врубил телевизор. Сергей написал крупно на листе: «Никого нет дома! Не стучать!» и приклеил на входную дверь. Стал осторожно подкрадываться к столу.

— Милиция! Немедленно откройте или сейчас же взорвем дверь! Считаем до трех!

Побледневший Серега дрожащими пальцами повернул затвор замка.

— Это ваша собака? Платите штраф! Она нагадила в подъезде! С вас 100 рублей! — за дверью стоял радостный участковый и держал в руках не менее радостную Аську. Руки она любила. Сергей протянул последние оставшиеся в кошельке деньги. За Аську он отдал бы их даже вместе с кошельком. Аська взвизгнула, закрутилась волчком и деловито зашлепала на кухню.

Серега стороной обошел стол и прилег на свернутый вчетверо ковер. Благодатная тишина. Но не может же он теперь остаток жизни пролежать на полу на вонючем ковре? Сергей снова начал перебирать в голове события последних трех дней. Да, до прихода Коляна с его долбаным рюкзаком, его жизнь была вполне сносной. Видимо, дело в принесенном янтаре. Как бы в подтверждение его мыслей в кармане трень-

кнуло. Ага! Обычная покупка, как и неделю назад. Хороший товар. Да у Коляна другого и не бывает. Крупный янтарь, такой же, как всегда. Разве что...

Эта черная деревяшка? В кармане звякнуло. Есть! Это единственное отличие!

Открылась дверь на лоджии. Тесть тащил в комнату телевизор.

— Сереженька, уезжаю я к своей бабке. Скучно мне здесь. Да и зима скоро. Замерзну я на улице, — тесть радостно улыбался, натягивая истертый плащ. В дверях он столкнулся с тещей и племянницей.

— Сереженька, мы с Катькой к Нюрке уходим. Я ее там быстрее уговорю, — прокричала она с порога, — ты чемоданы-то ослобонил? Поддай их мне. — Все трое вскоре двинулись вниз по лестнице.

Сергей прислушался. В доме стояла необычная тишина. Только из кухни доносилось сонное похрапывание объевшейся Аськи. Сергей сделал два шага к столу. Тишина.

Он включил все телефоны. Молчат. Включил дверной звонок. В двери никто не ломился.

— Свобода! — заорал Серега. Черная полоса его отпустила.

Легким уверенным шагом он подошел к столу и первым делом взял в руки черную деревяшку. Значит, это из-за нее вся эта катавасия. Неужели только для того, чтобы все его мысли сконцентрировать на этом, почерневшем на дне морском, куске дерева?

Акт четвертый. Одни вопросы

Сидя перед станком, он долго вертел и рассматривал деревяшку. Что же в ней необычного? Кусок сосны, пролежавший миллионы лет в морской воде. Такие куски сотнями валяются на берегу моря после шторма. Что можно из него сделать? Хороший получится подсвечник. Можно попробовать сделать трубку. Точно! Готовая трубка, даже

янтарь уже сросся с деревом. В кармане звякнул телефон. Ну, хорошо, хорошо, не будем из тебя делать трубку, если не хочешь. Что за черт, как будто кто-то пыгается мной командовать. Серега не верит ни в бога, ни в черта, тем более в мистическую или загробную жизнь.

Он осторожно снял черный палет с нижнего кругляша. Под ним засверкало бело-желтое живое дерево. Вот это да! Серега раньше такого не видел. Прежние образцы добытой древесины были насквозь черными! Он начал снимать черную корочку с натекшего на дерево куска янтаря. Черный кусочек отлетел, и Сереге показалось, что на него изнутри брызнул ослепительный луч. Он непроизвольно дернулся, и диск чиркнул по указательному пальцу. На стол закапали капли крови. Он быстро обернул палец куском пластыря. Палец сильно жгло. «Эх, надо было смазать йодом. Черт его знает, какая тут может быть инфекция?»

Да, камень был необыкновенного ярко-желтого цвета. Очень ровного. Такого цвета Серега раньше не встречал. А уж янтаря на своем веку он повидал разного — от прозрачного, как слеза ребенка, до угольно-черного. Все цвета радуги. Были и желтого цвета, но не такого люминесцентного оттенка.

Корочка снялась на удивление легко. Под ее огромными наростами и буграми скрывался яйцевидный блестящий камень. «Да его даже и полировать не надо!» — удивленно покачал головой Сергей. Но что еще больше его удивило, так это то, что камень был ровно утоплен в деревянный круглый брусок. Обычно смола натекает на кору дерева. А здесь явно поработала рука человека. И не просто человека, а рука мастера. Следов соединения камня с деревом не было. «Приклеен он, что ли? А что, уже древние египтяне знали клей из рыбьей чешуи», — подумал Серега.

Значит, это опять изделие древних мастеров. Колян и раньше приносил выловленные им в море янтарные

фигурки людей и животных, бусинки с отверстиями и даже большие осколки янтарных чашек и ложек. Но что-то тяжеловато изделие для янтаря. Он взвесил на руке. Тяжеловато даже для дерева. Потом стукнул ножом по желтому камню. Раздался металлический звон.

— Да это не янтарь вовсе! — вскрикнул он.

Ну, погоди, Водолаз! Законопатил ему мозги своим борщом да мухами и подсунул черт знает что! Хотя... Надо разобраться. Может, это «черт знает что» стоит подороже янтаря? На золото явно не похоже. Да и не может никакой металл быть таким прозрачным. Вон, яйцо это, насквозь просвечивается! А звон металлический!

Сергей попробовал его на прочность на круге, приложив осторожно верхушку. Из диска фонтаном брызнули искры. На поверхности камня не осталось ни малейшей царапинки. Вот это да! Он придавил посильнее. Фонтан искр увеличился, и диск начал стремительно сыпаться. Следов на яйце не было. Да это и не металл даже! На лучшей легированной стали и то от скоростных дисков остаются глубокие царапины. А этот аж сияет полировкой.

Сергея отложил яйцо и задумался. С такой чертовщиной ему еще никогда не приходилось сталкиваться. Если это какое-нибудь инопланетное изделие, то откуда брусок из обычной сосны? Вон она даже пахнет свежей смолой, когда он ее почистил. А может, брусок земной, а только яйцо инопланетное? Очень вероятно!

Не оно ли устроило ему трехдневную черную полосу? Тоже вероятно. Но как? Так и верующим скоро станешь! И не только в бога!

Да, надо все-таки смазать порез йодом. Он достал пузырек и размотал пластырь. Что за новая чертовщина! Пореза под пластырем не было! И даже следов! Чистая розовая кожа. Не мог же он ошибиться пальцем. На всякий случай осмотрел остальные. Чистая розовая кожа на всех! Чистые ногти. А левый

мизинец? В прошлом году он нечаянно срезал на левом мизинце ноготь вместе с кончиком пальца.

Ноготь был на месте! Вот тебе бабушка и... Как там в известной поговорке: « Чем дальше в лес, тем ну ее нахер!» Он даже потрогал ноготь и зачем-то понюхал. Ноготь был твердым и серой не пах. Значит, не дьявольское наваждение. А какое же?

И куда подевались с пальцев его многочисленные шрамы и желтые кислотные ожоги?

Верните немедленно! Он посмотрел сначала вверх, потом вниз. Ни потолок, ни пол не разверзлись. Это немного успокаивало.

Он взял яйцо с бруском и прилег на диван. Нижняя часть бруска была явно грубо обломана. Что это могло быть раньше? Как оно оказалось в море? Что это за материал? Зачем он соединен с бруском? Одни вопросы!

Мог это быть скипетр местного царька или вождя племени? Вполне мог! Потом была битва на берегу моря с пиратскими племенами. Вождь треснул чужака по башке. Но тупая голова оказалась слишком прочной и скипетр обломился. Навершие с камнем упало в воду, и потом волны унесли его на глубину.

А что — вполне так могло и быть! Логичная правильная история. Какой Сережа молодец! Как быстро все расставил по местам. Вот только — где вождь нашел тот камешек для своего скипетра?

Акт пятый. Немецкий банк

Навершие скипетра — так теперь Серега для себя стал называть это необычное сочетание дерева и камня. Хотя камнем это яйцо с металлическим звоном можно назвать с большой натяжкой. Да и цена его могла быть ого-го. А все ценное Серега хранил в «немецком банке» — секретном подвале под домом. Жил Серега на первом этаже и вход в подвал обнаружил случайно при ремонте. Стала в прихожей сильно скрипеть одна половица.

Раньше это был обычный двухэтажный бюргерский дом. Уже потом местная администрация надстроила все двухэтажные дома до пяти- и даже шестиэтажных. Хотя метровые стены и скальное основание вполне выдержали бы и десять этажей. Весь город стоял на сплошном скалистом ровном плато. Тонкий слой песка поверх гранита трудно назвать землей. Поэтому дома строили на выровненной гранитной площадке, а подвал дома образовывал двухметровой высоты фундамент из огромных каменных глыб.

Сами стены дома делали метровой толщины из специально обожженного красного кирпича. Кроме глины, в кирпич добавляли молотый красный гранит. Все дома были оборудованы водопроводом и канализацией. Отопление производилось подвальными печами. Трубами для этих печей служили проложенные внутри стен воздушные каналы.

Перекрывая каналы заслонками, можно было регулировать температуру в любой комнате. Водопровод был устроен по типу римского, только вода, в отличие от римских эстакад, текла самотеком не по открытому каналу, а по каменным трубам. Горный источник чистой воды находился выше города метров на пятьдесят. Красные гранитные трубы никогда не обрастали водорослями и не давали размножаться грибкам и бактериям. Поэтому вода была исключительной чистоты. Когда дома надстроили, воду стали качать насосами и обогревать батареями с горячей водой. Бюргерский рай закончился с приходом советской цивилизации.

Ешьте, детки, пюре, молочка-го нет!

Скрипевшую половицу в прихожке пришлось снять. А вот именно под ней вместо бетонного перекрытия обнаружился еще один деревянный пол из толстых сосновых брусьев. Это Серегу крайне удивило, и он снял все доски в прихожей. Брусья оказались сдвижным люком. Под ним открылись вырубленные каменные

ступени. Они уходили вниз метра на три. Потом шел горизонтальный десятиметровый коридор. Потом опять ступени. Они вели вверх и упирались в ровную кирпичную стену. Ни штырей, ни колец, ни даже трещинок в стене не было видно. На исследование этой загадочной стены ушел тогда месяц.

Сереге был уверен, что не могут ступени вести просто в стену. И, простукивая каждый кирпич, он все-таки открыл секрет стены. Один кирпич неожиданно утонул от удара. Тут же вся стена сдвинулась вслед за ним на полметра. Сереге протиснулся в боковой проход. За стеной находилась вырубленная в скале небольшая комната, метра три шириной. Вдоль стены стояли кованые сундуки. Стол и два табурета из тех же сосновых брусьев. Вдоль второй стены на цепях подвешен деревянный топчан. На столе только оплывший огарок свечи.

Все сундуки, кроме одного, были пусты. Самый большой же был набит доверху различными изделиями из янтаря — бусами, курительными трубками, клееными блюдами, подсвечниками, кулонами, браслетами и кольцами. В полной темноте янтарь прекрасно сохранился. С этой коллекции и началась Серегина карьера янтарного мастера. Он был поражен красотой и теплом солнечного камня. За два года слегка отполированные украшения разошлись по рукам. На вырученные деньги Сереге откупил соседнюю пустующую квартирку и устроил там мастерскую. Постепенно пришел опыт обращения с хрупкими и нежными камнями. А желание и интерес к работе были огромные.

Вот эту секретную подвальную комнату Сереге и называл «немецкий банк». Он всегда надежно хранил его богатства. Туда он и отнес свое загадочное наверхие.

Акт шестой. Немая, глухая и безногий

За два следующих дня Сереге успел обработать почти половину принесенных Водолазом камней. В субботу

удалось продать бусы и пару кулонов в серебре. Жить стало легче, жить стало веселей. В воскресенье, как всегда, Серега поехал к большому другу на побережье. Каждый раз он привозил ему в подарок бочонок немецкого пива и большой круг брызвы. Петр получил контузию в Афгане и был прикован к креслу на колесиках. Серега знал, что почти всю свою пенсию уже несколько лет Петро откладывает на коляску с электроприводом, которые делают в Германии. Но стоила эта волшебная коляска как два мерседеса. Жена от него ушла сразу после контузии.

В доме ему помогала глухонемая детдомовская девочка Инга, которую Петро обучал на своем стареньком компьютере. Компьютер был первым подарком Сереги. Он знал, с каким нетерпением эти два инвалида ждут его приезда. Поэтому ни дождь, ни снег не могли помешать Сереге добираться на своем старом москвичонке к домику возле самой кромки моря.

Такого ясного ума, таких энциклопедических знаний не встречал Серега ни у одного из своих знакомых. Могучий ум и хлипкая плоть... Какое несправедливое сочетание! Намного чаще встречается обратное. Природа несправедлива к отдельным людям. Или они просто родились не в то время и не в том месте.

Инга повисла у него на шее и долго что-то таинственно мычала ему в уши. «Потом через компьютер спрошу», — как всегда отложил общение Серега. Он так и не смог изучить язык глухонемых. Инга и с Петром бойко переговаривалась чаще на экране монитора, клавиатура просто летала по столу. Тот знал ее язык, но не мог говорить быстро, как она.

Серега поставил бочонок в беседку на берегу и пошел вывозить Петра. Тот всегда тонул на своих велосипедных колесах в глубоком песку. Петр, как всегда, отвечал на электронные письма. Он за это время выучил и мог без ошибок читать и писать на английском, французском и немецком языках. Вот говорил

он с чудовищным акцентом и с таким же трудом понимал. Найти добровольных учителей по разговорной речи даже в Интернете ему так и не удалось. Серега как раз привез Петру новый курс разговорника на английском на лазерном диске.

Петр схватил диск и попытался тут же засунуть его в компьютер. Серега решительно пресек его попытке начать обучение.

— Нет, нет. Сначала отдых и обед на свежем воздухе. Диск ты потом помотришь и без меня.

— Серега, я очень рад тебя видеть. Почему такой хмурый сегодня? Была трудная неделя? Или опять Ньюра донимает? — как очень добрый человек, Петро чужие беды понимал лучше своих и потом начинал переживать как свои.

— Неделя была сумасшедшая, особенно три первых дня. А Ньюрка? Это просто моя большая очередная ошибка. Ну, не разбираюсь я в женщинах. Вот они и крутят мной, как хотят. Ты в этом не раз убеждался.

— Да, и не раз тебя предостерегал от поспешных походов в загс.

— Ну, не могу я без этого. Родители вложили в меня эту заповедь, что без загса нет семьи. Сами они-то пятьдесят лет вместе. А я уже на третьей спотыкаюсь.

Коляска утонула одним колесом в песке и едва не опрокинулась. До стола в беседке доехали молча.

Инга уже похозяйничала и ждала их с половником в руках. Ее вкусный душистый борщ Серега очень любил. Он откинулся на спинку скамьи только после второй порции. Петро, вообще евший очень мало, уже с наслаждением педил темное немецкое пиво из бочонка.

— Давай уже рассказывай про свою сумасшедшую неделю.

Инга тут же задвигала пальцами и губами.

— Просит переводить. Говорит, ей тоже интересно. Сядь рядом со мной и четче выговаривай слова.

Я не могу так быстро переводить, как она. А она многое по губам читает.

Сергеа начал свою жутковато-невеселую историю. Когда он дошел до паучихи с детенышами, как она ползла к его голове, Инга вскрикнула и закрыла глаза руками.

Как все инвалиды, она мыслила яркими образами и такие страсти переносила с трудом. Пришлось ждать, пока она придет в себя и откроет глаза. А через пять минут она уже заливисто хохотала, когда Сергеа рассказывал о неожиданном нашествии на его квартиру родственников и милиции. Движением руки она прервала Сергеа.

— Что она спрашивает?

— Почему ты не привез ее любимицу Аську?

— А, у нее не сегодня-завтра появятся щенки, она сейчас даже на прогулку не хочет выходить. Что она ответила, Петро?

— Девочка говорит, что у нее теперь тоже могут быть щенки, как у Аськи. Ну, ты понял...

Сергеа-то понял, но понял и другое, что вряд ли у бедной девочки будет счастливая семья. Если только такой же глухонемой муж. Хорошо, если не пьяница.

И что она никогда не услышит ни плача, ни смеха, ни первого «мама» своих детей. Как часто несправедлива судьба к чудесным, хорошим, добрым людям! Таким, как Петро и Инга.

— А теперь, Петро, слушай внимательно, мне нужен твой совет. Я расскажу тебе вещи, в которые сам с трудом верю. Помоги мне в этом разобраться, — он начал подробно излагать историю намерения. Посредине рассказа Инга сердито затрясла Петра за плечо. Ошеломленный рассказом, он перестал ей переводить. Пришлось Сергее повторить весь конец истории.

— И где оно сейчас, так и лежит в твоём банке?

— Не в моем, а в «немецком».

— Ну да, ну да... — тут настала очередь ему задуматься. Инга начала убирать со стола. Сергеа помог ей вы-

мыть посуду мокрым песком прямо в море. Потом они пошли в дом. Инга тут же убежала в свой закуток. Официально она числилась в местном детском доме, куда ее подбросили сразу после рождения. Но с молчаливого согласия заведующей большую часть времени проводила в домике Петра, называя его на экране компьютера своим папой. Петро не сопротивлялся. Ему нравилось хоть кому-то передавать свои знания. И девочка быстро развивалась, особенно в изучении языков. Она тоже бойко читала на трех языках с экрана монитора.

«Надо ей в следующий раз прокладок привезти не забыть. Денег у них все равно нет, да и в город редко выбираются», — подумал Сергеа, глядя на радостно мычашую Ингу, тянущую его за руку на берег.

Петро сидел на самой кромке прибой. Колеса глубоко ушли в песок. Но он смотрел в море и ничего вокруг не замечал. Сергеа с Ингой, знавшие эти его отключения от внешнего мира, терпеливо ждали в беседке.

— Сергеа, вытащи меня отсюда, — они побежали к увязшей коляске.

— Что ты ей сказал?

— Чтобы она собиралась. Мы едем с тобой.

Сергеа изредка по желанию Петра устраивал ему такой праздник — недельный выезд в город. Тогда уж они отрывались по полной программе. Всю неделю он возил Петро по театрам, концертам, ресторанам и кафе. Чтобы насытится тем, что так не хватает на берегу моря. Человеческим общением.

— Я должен увидеть это намерение. Вспомнил кое-какие древние мифы и легенды, где есть нечто подобное, но, чтобы сделать окончательные выводы, мне нужно его увидеть.

Акт седьмой. Сера и елей в одном стакане

Сергеа подкатил кресло к столу в зале. Принес и подключил свой ноутбук. Петро тут же влез

по уши в Интернет. Инга уселась рядом. Петро снял доски в прихожей и полез в люк.

Когда он вернулся, Петро отодвинул компьютер и стал разворачивать наверхие.

— Ну, вы тут любуйтесь на камешек, а я побегу за продуктами. Мне вас неделю кормить нечем. Холодильник, извините, пустой. — Петро с Ингой даже не обернулись на его хозяйственные причитания. Они разглядывали камень. Инга быстро шевелила пальцами.

Вернувшись весь обвешанный пакетами, Серега в прихожей наткнулся на кресло Петра. «Это Инга пересадила его в кресло. Там, конечно, ему помягче», — он осторожно подвинул кресло и замер. Из зала доносился незнакомый девичий голос.

«Неужели еще какая племянница приехала?» — мелькнула паническая мысль. Но в зале никого, кроме Инги и Петра, не было. Оба были чем-то возбуждены и счастливо улыбались.

— Так, продукты прибыли. Скажи Инге, что она может готовить ужин, пока мы с тобой переговорим. Вижу по твоему лицу, что ты что-то раскопал!

— Сережа, поговорить нам действительно есть о чем. Ты не пугайся и сядь на стул. Давай, Инга, как я тебя учил.

— Дядя Сережа. Я теперь могу говорить, — раздался не вполне четкий, тот же незнакомый девичий голос. «Вот тебе и племянница! Это же Инга! Но она говорит!» — он недоуменно уставился на друга.

— Я же тебе сказал, не надо удивляться. Это все твоё наверхие. Кстати, она теперь и слышит прекрасно. Хотя говорить я ее научил пока только одну фразу. Но она девочка умная, быстро наверстает упущенное.

— Как наверхие?

— Да, да. Ты же сам говорил, что оно вылечило за секунды твой порез на пальце и восстановило кожу и ноготь на мизинце. Наверхие, видимо,

испускает какие-то неизвестные науке поля, восстанавливающие все отклонения в генотипе человека. Я даже подозреваю — отклонения в генотипе любого живого существа. Эти поля как-то умеют считывать и расшифровывать записанный в клетках геном. Потом на основе генома исправляют отклонения в генотипе. То есть эти поля, попросту говоря, универсальный доктор живых существ. Некоторые библейские легенды подтверждают существование такого камня, хотя несколько по-другому описывают его действие.

— Как по-другому?

— Ну, об этом мы поговорим попозже. Нужна дополнительная проверка. Кстати, я смотрю, у тебя есть подходящая книга, — Петро встал из кресла и подошел к книжной полке. У Сереги же, наоборот, ослабли колени и он плюхнулся на стул.

— Петро, ТЫ ХОДИШЬ?

— Ах, да. Забыл тебя предупредить, мне твоё наверхие помогло тоже, — он снял с полки, купленные Серегой по случаю дождя «Легенды и мифы библейского мира».

— О! Да у тебя даже закладка стоит в нужном месте.

— Знаешь, все никак дочитать одну легенду не соберусь. Ты лучше еще раз пройди по комнате. Как ты себя чувствуешь?

— Пожалуйста. Могу даже пробежаться.

— Это черт знает что! Ты понимаешь, Петро, чем мы с тобой обладаем? Да мы с тобой через месяц миллионерами станем. Мы тебе не только коляску новую... Петро, мы тебе всю Германию со всеми ее колясками купим! Хочешь?

— Серега, о чем ты говоришь? Зачем мне теперь коляска?

— Ах, да! Совсем забыл. Ну тогда купим тебе завод мерседесов!

— Не так быстро, дружище. Скоро ты поймешь, о чем я не договорил. После этого, я надеюсь, твой пыл немного угаснет. Читай, — Петр протянул ему раскрытую книгу.

«И вот однажды Властелин Ада решил, что слишком много Святой Петр своим солнечным камнем направляет душ в рай. Он послал Князя Зла под личиной кающейся души, чтобы тот вырвал камень из посоха. Тогда души не будут возноситься и все попадут в Ад.

— Протяни руку, сын мой!

Князь Ада вытянул вперед правую руку. Когда Святой Петр коснулся его своим посохом, Князь Ада схватил камень и дернул что есть сил. Навершие отломилось. Но Князь Ада от прикосновения посоха мгновенно окаменел. Святой Петр обломленным концом столкнул окаменевшую фигуру с облака. На его посохе тут же засверкал новый камень. Каменный Князь полетел на землю с зажатым в правой руке отломанным навершием. Его каменная фигура на мелкие кусочки разбилась о скалистый берег моря, а рука с навершием отлетела в глубь морской пучины. С тех пор люди находят в том месте превращенную навершием в солнечные кусочки смолу упавших в море деревьев. Они, как и навершие, излечивают хороших людей и губят плохих».

— Ты хорошо запомнил последнюю строчку легенды? Так вот. Как же ты собираешься лечить других людей? Ты умеешь отличать хороших от плохих? И вообще по каким таким критериям навершие делит людей на хороших и плохих? Вот, залила тебе соседка сверху весь потолок водой, — Петр ткнул пальцем вверх. — Потом приходит к тебе полечить свой геморрой. И на твоих глазах превращается в каменную статую! Что ты будешь объяснять в милиции? Что лекарство от геморроя просроченное?

— Ну-у-у...

— Вот именно. А может, она бы еще сто лет прожила со своим геморроем на радость детям и внукам? А ты ее — в стацию!

— Но вот тебя же и Ингу оно вылечило?

— Да, вылечило! Счастливая случайность. А могло бы и в камень превратить. Помнишь, что в Библии в книге судей написано? Лучше не осудить тысячу виновных, чем осудить одного невинного! Ты хочешь стать судьей этого мира?

— Нет.

— Значит понял, что лучше не вылечить тысячу больных, чем убить одного здорового.

— Инга, собирайся. Сережа отвезет нас назад. И прихвати с собой навершие. Завтра ожидается сильный шторм.

Серега последний раз взглянул на камень, коснулся его губами, как бы благодаря за Петра и Ингу, и что есть силы запустил подальше от берега. Ему показалось, что по поверхности расплылось желтое сияние. Нет. Просто показалось. За спиной его ждали Петр с Ингой. С их новой счастливой жизнью. И его тоже.

*Письмо от друга вместо ПОСЛЕСЛОВИЯ
(без правки, как есть):*

«Володя, привет! А твой подарок меня ошеломил. Прочитал сразу, не отрываясь, и сутки ходил под впечатлением. Огромное тебе спасибо. Я не знаток литературы и не литературный критик, но хочу сказать, что мне ОЧЕНЬ понравилось. Интересны два совпадения. 1. Коляня действительно существует (хоть и не водолаз))) и янтарь он ловит. Месяца 2 назад я купил у него 7 кг морской мелочи. 2. Инвалидная коляска. На площади нашего города в ней сидит «афганец», и я уже года 3 подряд 2-3 раза в месяц даю ему денежку и разговариваю «за жизнь». Вот так-то...») С уважением, Сергей Владимирович и такса Ася». **У**

Валентин Быковский

Авторская доля

— Что же вы, молодой человек? — участливо спросил Критик, положив ладонь на рукопись.

Ни открытый взгляд, ни ласковый голос не могли обмануть Автора. Каким-то скрытым чувством понимал, что сейчас его роман начнут разбирать по косточкам. И хотя интуитивно готовился к этому заранее, неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника.

— Что же вы, молодой человек, насочиняли? — повторил Критик.

— А что? — действительно, не совсем улавливая, о чем идет речь, промямлил Автор.

— Вы прикидываетесь или на самом деле не понимаете, что написали? — в голосе Критика появились нотки раздражения. — Если заблуждаетесь, то, учитывая ваш возраст, можно простить, но если...

Критик поднялся из-за стола, обошел его и склонился над Автором.

— Наше издательство публикует научную фантастику, на-уч-ну-уююю. А то, что предлагаете вы, нарушает все правила и элементарные приличия. Ваш первый опубликованный роман имел большой успех, собрал немало денег, что очень важно сейчас. Даже я решил, что появился талантливый фантаст, пришел конец графоманским произведениям, бумагомараки, как говорил Николай Васильевич, уберут перья в сундуки. И что? — Критик, утомленный длинной тирадой, отошел к окну.

Быковский Валентин Иванович

Родился 11 апреля 1961 г. С 12 лет увлекся фантастикой, в 16 написал рассказ и отправил в журнал «Техника молодежи».

Служил в армии с 1979 по 1981г. Окончил Орехово-Зуевский пединститут, физико-математический факультет, в 1987 г. Работал учителем в средней школе № 14 города Ногинска. В 1994 г. ушел на мебельное производство, где по сей день руководит цехом. Женат, имеет взрослую дочь.

— Что? — словно эхо, вырвалось у Автора. —

— Не понимаете?! — на каблуках, по-военному развернулся Критик. — Хорошо. Давайте попробуем разобраться, — он раскрыл рукопись.

— Название. Ладно, название можно переделать. Но что это? «Они прыгнули со своего астероида на пролетающий рядом кусок скалы...». Это научная фантастика? Как можно прыгнуть? Что значит «рядом»? — голос Критика звенел от негодования.

— Рядом? Ну, несколько тысяч километров, — попытался объяснить Автор.

— Несколько тысяч! Именно! То есть вы представляете, какова разреженность космоса даже в поясе астероидов. И все равно настаиваете на том, что можно прыгнуть с одного на другой?

— Но я же пишу о будущем, причем довольно далеко от современного времени. Люди научились

определять местоположение объектов на больших расстояниях и перемещаться в нужную точку пространства.

— А я вам еще раз говорю, что мы издаем научную фантастику, — видно, что терпение начало покидать Критика, — а не сказки. Хотя что я говорю? Даже сказочники, и те не допускают таких инсинуаций. А как они «прыгали», ха, без скафандров?

— Ну конечно, — обрадовался Автор. — Видите ли, строить громоздкие космические корабли не выгодно ни экономически, ни с точки зрения времени. Да и вообще, хлопот с ними... И обслуживание, и ремонт. А топлива сколько нужно? Вот и стали развивать индивидуальные средства перемещения в космосе.

— Но вы же должны понимать, что это невозможно...

— Почему?! Почему невозможно? — удивился Автор. — Разве мы можем знать, что возможно через минуту, не говоря уж о более продолжительном времени?

Критик смотрел на Автора с жалостью.

— Да, — протянул он. — Ладно, а это? «Он заякорил дом в нескольких километрах над поверхностью планеты». В нескольких километрах над поверхностью, то есть в верхних слоях атмосферы, знаете, что происходит? Какие излучения пронизывают пространство и как можно «заякорить» дом? Цепь, что ли, сбросить? Так массой самой цепи во много раз больше массы дома окажется.

— Да нет же, «заякорить» — значит привязать к гравитационным полям планеты. А что касается излучений, то в космосе они гораздо интенсивнее и жестче, но люди у меня без скафандров, как вы

справедливо заметили, путешествуют к звездам, — раздраженно сказал Автор.

— А вы голос не повышайте. Я разговариваю с вами исключительно из-за хорошего впечатления, произведенного на меня вашим первым романом. Я вижу, что это просто успех, свалившийся на молодого автора, кружит голову. Но ведь есть же определенные рамки, физические законы, наконец. Вот это, смотрите: «Она вспомнила, как прапрадед воспользовался линзой для разжигания огня...». Что значит «вспомнила»?

— Вы, видимо, не очень внимательно читали. У людей будущего сохраняется память предыдущих поколений. Разработана методика передачи опыта родителей детям, и, предвещая ваш вопрос, скажу, что рождение последних тоже усовершенствовано — не нужно женщине мучиться девять месяцев. Созданы биологические системы, вынашивающие плод, яйцеклетки и сперматозоиды, конечно, натуральные, и зачатие, если пара хочет, происходит как обычно, а остальное...

— Ну, вы даете, — в сердцах воскликнул Критик. — Считаете, что такое возможно? Это же безнравственно!

— Откуда вы знаете, какие нравственные критерии в том мире? — отрезая все пути к примирению, спросил Автор. — Даже сейчас, в разных странах, они очень сильно отличаются, что же судить о будущем.

— Вы говорите так, будто сами жили в этом невозможном мире. Может, и машина времени существует? — ехидно прищурился Критик. — Так, молодой человек, редакционная коллегия вынесла решение не издавать эту, даже не утопию, а бредятину. Можете обижаться. И уж мы постараемся, чтобы слава о таком «писателе» достигла других издателей.

Думаю, долго вам придется восстанавливать свое доброе имя. Прощайте.

— Да уж, прощайте. Вы хуже инквизиции, те хоть в силу своей необразованности тормозили прогресс, а ваше поведение иначе как регрессом и назвать нельзя. Ведь, может, кто-то, ознакомившись с моими идеями, заинтересуется и воплотит некоторые в жизнь.

Критик молча бросил папку с рукописью Автору на колени, сел за стол и демонстративно стал что-то писать.

Критик у себя дома, в двадцать шестом веке, пребывал в прекрасном настроении. Во-первых: цель командировки достигнута, резкий скачок научных открытий предотвращен; во-вторых: с тех пор, как обнаружили «Общую сферу сознаний», путешествие по времени стало доставлять огромное удовольствие. Физические и моральные муки, связанные с переносом в нужную точку времени тела, давно забыты. Разум же, прошивая темпоральные слои, перескакивая от сознания к сознанию, раскиданные по времени, получал не только новые знания, но и ощущение бесконечного счастья. Критик сравнивал скольжение по «Сфере» с путешествием на поезде в своем любимом двадцать первом веке.

Сидишь у окна, глаз выхватывает из пробегающего мимо мира большие и маленькие события. На станциях выскакиваешь из вагона, покупаешь самую вкусную на свете вареную картошку с укропом, угощаясь с попутчиками, заводишь новые знакомства, и вот уже стал богаче на пару новых историй.

Критик принял душ, поел, домашнее тело «застоялось» в консерваторе, да и маленькие человеческие слабости можно себе позволить после трудной и долгой работы.

Переместившись из домашнего в офисное тело, Критик скинул блок отчета в мыслеприемник Центрального Анализатора и проследовал в кабинет начальника «Бюро регулирования». По давно заведенной традиции обнялись с шефом, хотя телепатические приветствия являлись гораздо эмоциональнее и искреннее.

Шеф уже ознакомился с отчетом и, довольно потирая руки, выдал каскад официальной благодарности и дружеской похвалы. Среди этого потока мыслей проскакивали намеки на солидные премиальные.

Критик с удовольствием ответил, что очень рад денежному вознаграждению: теперь он сможет приобрести еще одно, двенадцатое тело на любой планете Освоенного Космоса, и радуется перспективе новых впечатлений.

Но шеф прервал мечты Критика, предоставив порцию информации о новом задании. Центральный Анализатор предсказал нежелательный всплеск научной активности в средневековье. Порой казалось, что кто-то специально подбрасывает новые, но несвоевременные идеи. Свободных агентов в распоряжении «Бюро» нет, поэтому Критика ждет командировка в шестнадцатый век. Конечно, премиальные меньше, это не тяжелый двадцатый первый, но дело есть дело. Побывать в теле инквизитора не такая уж трудная работа.

Условившись с шефом провести ближайший выходной вместе, уже не Критик, а Инквизитор отправился выполнять задание.

Автор, вернувшись в свой двадцать четвертый век, наслаждался покоем в бассейне дома, «заякоренного» в верхних слоях атмосферы Юпитера. Перемещение во времени довольно утомительное и неприятное занятие, поэтому «сеятелям» после выполнения миссии полагался продолжительный отдых. И вызов начальника «Бюро прогресса» удивил и немного расстроил Автора.

— Зайди ко мне, — в воздухе возникло объемное изображение недовольного босса.

— У меня же отпуск... — уже в пустоту сказал Автор.

Неохотно оставив ласковую воду бассейна, Автор прошел через воздушное полотенце, задержался в автоматической раздевалке, надел ранец и, набрав код, прыгнул в центральную контору.

— Это что? — босс грозно смотрел на подчиненного.

— Отчет.

— Это не отчет, это отписка. Вы, я вижу, не довольны, что вас вызвали из отпуска, но я бы вам его вообще не давал. Не за что. Результат проведенной вами работы равен нулю. Нет, он даже отрицателен. Что за метод вы применили? — в «Бюро» все знали, что если шеф начинал чересчур «выкаты» — жди неприятностей.

— Я хотел, что бы как можно больше людей узнало о научных идеях, надеялся, что кто-то заинтересуется, начнет искать и получит результат... — начал мямлить Автор.

Он уже не думал о премиальных, как бы теперь отбиться от штрафных санкций, а то плакал тогда новый, более мощный ранец для перемеще-

ний, да и квота на эти самые перемещения еще не оплачена.

— Можно и нужно распространять научные идеи таким способом, — продолжал буйствовать Босс. — Но чему вас учили? Во-первых: это двадцать первый век; во-вторых: что за дозы информации в вашем романе? Для людей того времени слишком много нового и необъяснимого. Необходимо по крупницам, по частям давать новые идеи. А вы? Вывалили кучу непонятных фактов и довольны.

— Виноват, хотел быстрее, а... Простите. У меня сейчас финансовые трудности, думал премию заработать.

— Эх, молодежь. Все в деньгах меряете, а к работе нужно относиться с душой. Куда мир катится? Гонорар решено вам пока не выплачивать. Ведь результата нет. Миссия провалена, и руководство Бюро решило вас снять с двадцать первого века. Нужно готовить нового «сеятеля», а это тоже непредвиденные расходы. Вас же решено направить в средневековье. Там как раз замедлился прогресс, будем надеяться, что ваши ускоренные методы помогут добиться нужного результата. Ступайте, получите информацию, завтра отправление.

Автор сидел в «обучающей», впитывая информацию, необходимую для командировки, и оценивал ситуацию.

Хотя ему нравился двадцать первый, но за средние века платят раза в три больше, и он сможет поправить свое материальное положение. А Италия шестнадцатого века довольно приятная страна, да и имя досталось неплохое: Джордано Бруно. **□**